

**Министерство транспорта Российской Федерации
Федеральное агентство железнодорожного транспорта
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования**

Самарская государственная академия путей сообщения

Л. Б. Алимова

***Шпалерное дело в России
XVIII – первой половины XIX веков***

Самара – 2006

УДК 646.72.28
ББК 51.204.1
А71

Научный редактор:

***А. П. Абрамовский, доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ***

Рецензенты:

Н. Н. Алеврас, доктор исторических наук, профессор;

И. В. Фролова, доктор философских наук

А71 Алимова Л. Б. Шпалерное дело в России XVIII – первой половины XIX веков : монография / Л. Б. Алимова. – Самара : Издательство СамГАПС, 2006. – 103 с. – ISBN 5-9894-1016-6.

© Алимова Л. Б., 2007

© Издательство СамГАПС, 2007

ISBN 5-9894-1016-6

Оглавление

Введение.....	7
Глава 1. Роль французских мастеров в создании шпалерной мануфактуры.....	12
Глава 2. Управление шпалерной мануфактурой	26
Глава 3. Финансовая отчетность шпалерной мануфактуры и ее значение.....	49
Глава 4. Квалификация и производственная деятельность мастеров	63
Глава 5. Частные шпалерные предприятия: создание и становление	80
Заключение	95
Примечания.....	97
Приложение 1. Штат Санкт-Петербургской Императорской шпалерной мануфактуры 1764 года	100
Приложение 2. Штат Санкт-Петербургской Императорской шпалерной мануфактуры 1803 года	102
Приложение 3. Штат Санкт-Петербургской Императорской шпалерной мануфактуры 1837 года	103

Введение

Производство шпалер – тканых безворсовых ковров из шерсти или шелка – один из старейших видов декоративно-прикладной деятельности, причем шпалеры, или по-французски – гобелены, как в традиционном, так и в капиталистическом обществе воспринимались исключительно как предмет роскоши и важная составляющая дворцового убранства. Возникновение шпалерного дела в России относится к 1607 году, когда некий Мартин Стюрбоут (Stuerbout) из Антверпена организовал в Москве мастерскую, где ткались художественные ковры, однако документальных свидетельств о её деятельности не сохранилось. В значительных масштабах производство шпалер возникает при Петре I. Скорее всего, желание учредить шпалерную мануфактуру появилось у него, когда князь Я. Ф. Долгорукий привез из Франции первые гобелены. В мае 1716 года Петр I побывал на Королевской гобеленовой мануфактуре в Париже по приглашению герцога д'Антенского. Российский монарх, видимо, был так восхищен увиденным, что через год, в июне 1717 года, отправился туда снова. В это же время он распорядился развернуть работу по организации шпалерной мануфактуры и в России. Дело это было поручено А. Д. Меньшикову.

В нашей стране в XVIII веке шпалерных предприятий было организовано несколько: Императорская шпалерная мануфактура, мастерские Я. Лемана, М. Ботлера, Александровская мануфактура в Петербурге, производившая дорогие шелковые панно и тканые картины. Внимание историков и искусствоведов привлекала прежде всего мануфактура, основанная Петром I. Первый очерк, посвященный ее ис-

тории, появился в 1903 году в журнале «Художественные сокровища России», автором которого был Н. Спильоти.¹ Он первым систематизировал и уточнил источники по истории шпалерной мануфактуры, составил списки и описание произведенных шпалер и ковров по годам. Н. Спильоти выделил шесть основных периодов в деятельности предприятия в зависимости от интенсивности производства и от особенностей управления им, подробно изложил историю создания шпалерной мануфактуры, дал оценку деятельности французских мастеров, проанализировал причины упадка и закрытия мануфактуры в середине XIX века. Первый период деятельности мануфактуры он называет «французским» – с 1716 по 1719 годы; с 1719 года до 1732 года период сначала активной деятельности при участии русских и французских мастеров, а затем упадка, связанного со смертью Петра I. Третий период начинается в 1732 году, когда шпалерная мануфактура перешла в ведомство Придворной конторы, и продолжается до 1755 года. Четвёртый период в деятельности предприятия – 1755-1764 годы, когда возрождается интерес к шпалерам и делается попытка активизировать работу уже в ведомстве Сената. Пятый период – 1764-1802 годы. Мануфактура ткала картины, картинные обои, ковры. Была сделана попытка сделать управление мануфактурой более эффективным средством подчинения её особому управляющему. Наконец, шестой период – 1802-1858 годы, последний в истории мануфактуры, когда она в ведении Кабинета. Закрытие мануфактуры Н. Спильоти связывал с утратой в обществе интереса к искусству гобелена и сожалел, что прекратило своё существование это детище Петра I.

Чуть позже, в 1907 году, в журнале «Старые годы» появляется небольшая статья В. Трутовского, посвященная русскому гобелену в Московской оружейной палате,² в которой особенный интерес представляет подробное описание техники производства гобеленов и тканых ковров.

В советский период историей шпалерного дела в России занимались, главным образом, искусствоведы. Среди них Т. Н. Кречетова,³ Н. Н. Соловьев,⁴ Т. Т. Коршунова.⁵ Они опирались на данные Н. Спидиоти и, в основном, внимание уделяли описанию, атрибуции, художественному анализу самих шпалер. Более глубокой и интересной для историка является работа Т. Т. Коршуновой «Русские шпалеры», в которой на основе широкого круга архивных источников последовательно воссоздаются основные этапы истории Императорской шпалерной мануфактуры: создание в 1716-1719 году, развитие производства и деятельность первых русских мастеров в 1720-1755 году, относительный расцвет мануфактуры во второй половине XVIII века, застой и упадок первой половины XIX века. Кризис мануфактуры Т. Т. Коршунова, как и Н. Спидиоти, связывает с тем, что прошла мода на шпалеры. Автором уточняются имена французских мастеров, приехавших в Россию для организации мануфактуры, но деятельность их оценивается невысоко. Несмотря на безусловные достоинства работы, в целом она носит описательный характер, что объясняется спецификой задач, решаемых искусствоведами, история художественного предприятия для которых лишь фон, на котором происходит анализ произведений искусства.

Историко-экономический анализ деятельности шпалерной мануфактуры в отечественной науке не проводился, также вне внимания исследователей оставались мелкие шпалерные предприятия, видимо, в силу непродолжительности их существования. Наша цель – ликвидировать эти пробелы на основе привлечения новых документальных источников.

Источники. По сведениям Н. Спидоти, источники по истории шпалерной мануфактуры были сосредоточены в архивах Императорского двора и Сената в Петербурге, а в Москве находились в архивах Министерства иностранных дел и Министерства юстиции. К сожалению, оказались безвозвратно утраченными документы времени Екатерины II при следующих обстоятельствах. Когда в 1762 году была учреждена контора Императорской шпалерной мануфактуры, при ней был создан собственный архив, который решено было передать в Общий архив Министерства Императорского двора. Однако заведовавший в то время архивом Есипов не довез его, поскольку страдал алкоголизмом и, сильно нуждаясь в деньгах, доставив дела в Москву, он их продал на макулатуру.⁶

В наше время большой комплекс документов по истории Императорской шпалерной мануфактуры находится в архиве древних актов в фондах Мануфактур-конторы и Мануфактур-коллегии (фонды 277, 294). Документы, касающиеся основания мануфактуры, приглашения на службу французских мастеров и первых лет деятельности предприятия, содержатся в фонде 9 «Кабинет Петра I».⁷ Основной массив документов отложился в фонде Дворцового отдела (фонд 1239), где находятся документы, освещающие деятельность шпалер-

ной мануфактуры с 1719 года по 1847 год, то есть практически за все время ее существования. Здесь и законодательные акты, регламентировавшие процесс производства и управления, контракты с мастерами, бухгалтерская отчетность, экстракты (записки) с историческими сведениями о мануфактуре и другие интересные документы. Донесения о состоянии дворцовой шпалерной мануфактуры имеются в фонде 14 – фонд Придворного ведомства, ряд документов содержит фонд Сената и его учреждений (фонд 248), хотя многие из них дублируют уже имеющиеся в других фондах.

В Российском государственном историческом архиве имеются отдельные документы, связанные с тем периодом деятельности шпалерной мануфактуры, когда она подчинялась Кабинету Его Императорского Величества (фонд 468). В основном, это акты и решения Кабинета относительно управления мануфактурой.

Сохранившаяся источниковая база позволяет восстановить историю шпалерной мануфактуры и оценить не только экономическую сторону ее деятельности, но и культурно-историческое значение.

Глава 1. Роль французских мастеров в создании шпалерной мануфактуры

Инициатором создания шпалерной мануфактуры стал Петр Великий. Он развернул в стране масштабное дворцовое строительство, основал новую столицу, где строились храмы, общественные здания и здания государственных учреждений, дворцы знати и самого монарха. Все они должны были выполнять важные представительские функции и демонстрировать величие Российского государства, поэтому требования к их внутреннему убранству и архитектурной отделке предъявлялись самые высокие.

Гобелены, или шпалеры, как их называли в России, благодаря своей высокой стоимости, яркости и необычности как нельзя лучше подходили для дворцового интерьера. Петр I, заказывая во Франции на Королевской мануфактуре шпалеры, задумал создать аналогичное предприятие и в России. Екатерина II писала, что Петр Великий «в заведении казенной шпалерной мануфактуры иного намерения иметь не мог, как токмо то, чтоб сим великолепным мастерством вящие украсить, распространить и умножить все художества, служащие к славе и выгоде Российской империи».⁸

Традиции ткания гобеленов в нашей стране не было, вот почему для развития этого дела решено было нанять французских мастеров. Этим занялся Лефорт во время своей поездки в Европу, о чем он упоминает в письме к Петру I за 1715 год, сообщая, что подобрал французских шпалерщиков, чтобы нанять для работы в России.⁹ В апреле 1716 года Лефорт доносил: «Получил дозволение от дюка д'Антейна, интенданта над строением и мануфактурами, принять четырех масте-

ров шпалерных готлиснеров названия самой мануфактуры гобеленовой... Ваше Величество удивится работе их».¹⁰ Имена французских мастеров были выявлены по «Реестру французским мастерским людям, призванным в службу Его Царского Величества в 1716 году»¹¹ Т. Т. Коршуновой.¹² Она уточнила и расширила список французских гобеленщиков: Иван Яков Гошер, Людовик Вавок, Иван Баттист Бурдейн, Петр Гриньон, Петр Комусс. Эти мастера выехали в Россию в 1716 году. В октябре этого же года заключен контракт с Филиппом Бегагелем, который должен был стать директором «над мануфактурой шпалерною и красильною», вместе с ним в Россию прибыли Клод Мариель – красильщик шелка и Габриель Ренод с сыном – красильщики шерсти. Петр Комусс прибыл с сыном Франсуа, братом Филиппом и подмастерьями Арнольдом Матсоном и Рансоном.

Ряд документов, также изученных Т. Т. Коршуновой, таких, как «Генеральный реестр персон, которые отъезжают в Петербург» 1717 года, «Реестр французским людям, которые выехали на свой кошт», «Реестр французским художникам, которых контракты у себя имеет Леблон» дают имена других шпалерщиков, приглашенных в Россию: Жан Шарль Андре, Томас Рупед, Клод д'Маре, Жан Рошебот.¹³ Поскольку о них больше нет никаких сведений, возможно, они сразу вернулись во Францию. Над шпалерщиками осуществлял контроль архитектор Леблон, который в свою очередь был подчинен канцелярии А. Д. Меньшикова.

Лефорт предложил учредить из французских шпалерщиков и других художников «Академию царских разных дел и работ». Директором он видел себя, а средства на содержание проектировал добыть

путем организации правительственных лотерей.¹⁴ Однако проект этот не встретил поддержки петровского правительства, которое склонялось к уже ставшему традиционным пути: организация мануфактуры при участии иностранцев с одновременным обучением для неё русских мастеров, чтобы они позже могли самостоятельно работать.

Первый период деятельности шпалерной мануфактуры 1716-1723 годы учредительный, или, как его называет Н. Спилиоти, «французский». Условия найма французы выговаривали себе неплохие. В архивах сохранились контракты, заключенные с французскими мастерами.

Филипп Бегагель пять лет должен был управлять мануфактурой «генерально», то есть решать все вопросы, связанные с руководством и организацией производства. Одной из основных обязанностей его была обязанность принимать русских учеников и учить своему мастерству. Содержание учеников принимало на себя государство. Жалование Бегагелю определялось в 2250 рублей в год, но не только на себя, но и на тех, кого он возьмет себе в помощь и «жалование по договорам платить будет». Контракт подкреплялся авансом в 1000 рублей. Жалование выплачивалось по четвертям года, начиная со дня подписания контракта. Помимо заработной платы Бегагелю с сыном полагались следующие льготы: бесплатный проезд до Санкт-Петербурга; бесплатная квартира или, если захочет, место для постройки собственного дома. Если по истечении срока контракта Бегагель служить больше не захочет, то ему гарантировалось беспрепятственное возвращение во Францию. Пункт 6 контракта освобождал француза от всех пошлин, постоев, повинностей и предоставлял сво-

боду вероисповедания. Пункт 7 оговаривал, что, помимо шпалерного дела, он ни к чему не принуждается.¹⁵

Контракт Пьера (Петра) Комусса был заключен также на пять лет с окладом в 2000 рублей, которые делились на него, его сына, брата и подмастерье Арнольда Матсона. Комусс также был обязан принять в обучение русских учеников. Порядок выплаты жалования и льготы определялись так же, как и у Ф. Бегагеля. Отличался лишь пункт 7, в котором сказано, что поскольку речь шла о найме 4 шпалерщиков, то, если кто умрет или заболеет, Комусс сам должен найти ему замену, хотя, если новый человек прибудет из Парижа, оплачивать его проезд он не обязан.¹⁶ С чем связано появление этого пункта, можно лишь предположить: Комусс должен был приехать с двумя подмастерьями помимо членов своей семьи, но прибыл только один – А. Матсон, что случилось со вторым, неизвестно. Может быть, он скончался и поэтому появился пункт в контракте Комусса об обязанности подыскивать замену в таких случаях.

Контракты с Клодом Мариелем – красильщиком шелка и Габриелем Ренодом – красильщиком шерсти также подписаны на 5 лет, с обязанностью обучать русских и со всеми льготами, предусмотренными для других французских мастеров. Жалование первому составило 375 рублей в год, второму – 500 рублей.¹⁷

Французские мастера долго не могли приступить к работе. Не было необходимых материалов, помещения, оборудования, кроме того, русское правительство не спешило выполнять свои обязательства. Французы вынуждены были обратиться к императору: «Ни жалования, ни инструментов, ни работы не дано двадцать месяцев и оттого

мы пришли во всеконечное разорение и помираем голодной смертью».¹⁸ О бедственном положении мастеров и трудностях, связанных с основанием мануфактуры писал и Лефорт: «Помянутые художники, прибывшие сюда, надеялись по контракту и обещанию для начала своих дел и работы получить потребные вещи и оные здесь уже год прожили и уговоренного ничего не видать».¹⁹

В условиях продолжающейся Северной войны и экономической модернизации России, по-видимому, не хватало средств для организации шпалерной мануфактуры и не было времени у правительства, чтобы уделить ей внимание. Требовалось поручить мануфактуру определенному ведомству и назначить лиц, ответственных за ее деятельность.

В 1719 году шпалерная мануфактура переходит в управление Берг-коллегии, одновременно сохраняя свою подведомственность Кабинету Его Императорского Величества. Двойное управление будет характерно для шпалерной мануфактуры и в дальнейшем. Создаваемая в первую очередь для удовлетворения потребностей Императорского Двора, она находилась под контролем придворного ведомства. При этом мануфактура включалась в существующую государственную систему управления предприятиями и экономикой в целом.

Директором в 1719 году назначается Багарет, который до этого был директором-управителем штофной мануфактуры барона Шафировва. При назначении учитывался этот опыт Багарета в управлении текстильным производством, тем более что прежнее руководство шпалерной мануфактуры фактически не справилось с организацией ее работы. Багарет начал с составления сметы содержания предприя-

тия, из которой стало ясно, что французские мастера обходились крайне дорого, их деятельность не окупала себя и не приносила положительных, ощутимых результатов.

27 апреля 1719 года Президент Берг-коллегии Я. В. Брюс получил именной указ Петра I об отправке назад во Францию иностранных мастеров.²⁰ Согласно этому указу, 20 ноября этого же года по приговору Берг-коллегии велено оставить только 5 мастеров с жалованием 400 рублей мастерам баслиссового (техника изготовления шпалер) искусства и 500 рублей – готлиссового, и к ним приставить 10 учеников. Остальных же мастеров «отпустить в отечество свое».²¹

Мастерам, отпущенным во Францию, было выплачено по 1720 год включительно: шпалерщикам в общей сложности 6000 рублей, красильщикам – 2842 рубля, не считая стоимости льгот, оплаченных русским правительством. Учитывая, что их пребывание в России оказалось не слишком результативным, деньги эти составили огромные убытки на первом этапе деятельности шпалерной мануфактуры.

В процессе создания новых для России художественных производств случаи, подобные этому, были не редкостью. Иностранные мастера, нанимаемые за границей, преувеличивали свои знания и квалификацию, часто не могли и не хотели ничему научить русских учеников. Конечно, встречались и настоящие мастера своего дела, какими были Ф. Бегагель и Багарет.

Багарет мечтал построить «Дворец императорских мануфактур», получить большие ассигнования на шпалерную мануфактуру, нанять двух искусных живописцев и увеличить число русских учеников.²² Однако у государства не было средств на реализацию этого проекта,

да и сам Багарет вскоре получил другое назначение. Во главе шпалерного дела был поставлен Каспар Прейс, переводчик при Мануфактур-конторе. Он заведовал личным составом мануфактуры, а хозяйственными вопросами занимался специальный комиссар.

Правительство искало способы активизации процесса создания шпалерной мануфактуры и участия французов в нём. Алексей Макаров – секретарь Петра I – 27 апреля 1719 года писал президенту Мануфактур-коллегии Якову Брюсу по поводу французских мастеров: «Прикажите за ними смотреть, чтобы они не гуляли и определенное жалование не даром брали, а именно чтобы они непрестанно были в работе и делали против образцов всякие шпалеры».²³ Также искались собственные источники сырья, в связи с чем еще 19 декабря 1716 года по предложению А. Д. Меншикова издается сенатский указ о присылке шерсти для делания шпалер.²⁴ Сенат по просьбе Александра Даниловича распорядился прислать по 2 фунта шерсти из Нижнего Новгорода, Алатора, Арзамаса, Мурома, «чтобы учинить пробу» и сделать образцы изделий. Директор Багарет запрашивал образцы русской шерсти из разных регионов, для того чтобы выбрать пригодные для работы, но проблема обеспечения качественным сырьем оставалась нерешенной. Какие-то материалы выписывались из-за границы, что-то закупалось в России, однако усилия правительства долгое время не приносили ощутимых результатов. Сведений о стабильной работе шпалерной мануфактуры до 1723 года нет. Можно предположить, что шпалеры изготавливались в единичных экземплярах, отсутствовало регулярное финансирование мануфактуры. В 1723 году русское правительство задолжало П. Комуссу с подмастерьями

2350 рублей, Ф. Бегагелю – 2875 рублей, красильному мастеру Михаилу – 925 рублей 61 копейку, шпалерным ученикам – 324 рубля, красильным ученикам – 180 рублей.²⁵

Не лучшим образом обстояло дело и с обучением русских рабочих шпалерному делу. Французские мастера передавали секреты ремесла неохотно, так, характеризуя деятельность П. Комусса по подготовке учеников, местная администрация сообщала Кабинету: «А к работе и на учение данных им учеников верности не имеет и не принадлежит, но паче время свое в гулянье и отлучках от работы препровождает ... Также данные ему русские ученики, которые уже несколько лет при работе его обретаются, разве малое что познали».²⁶ Не удивительно, что при подобном отношении к делу французы так ничего и не сумели организовать. В то же время только Комуссу за 7 лет было выплачено 12349 рублей 85 копеек – сумма баснословная! Хотя в 1723 году Комусс был уволен, убытки компенсировать было уже нечем.

По справедливому мнению Т. Т. Коршуновой, за исключением Ф. Бегагеля никто из французов не научил русских мастеровых шпалерному «художеству».²⁷

У Ф. Бегагеля были русские ученики, которые набирались из детей солдат, служителей и мастеровых адмиралтейского и придворного ведомств, в возрасте от 15 до 18 лет, по возможности грамотные. К 1723 году учеников было 7, затем в течение трех лет в обучение поступило еще 15 человек.²⁸ Ученикам был установлен оклад 2 рубля в месяц и «...ежели из оных кто в науке других будет превосходить..., тогда прибавить сверх окладов по полтине на месяц, и даже по 5 руб-

лей, кто совершенно обучаться, чтоб, видя такое награждение, больше к науке имели прилежание».²⁹

Производительность шпалерной мануфактуры с 1716 по 1723 годы зависела от индивидуальных усилий мастеров. В 1724 году Мануфактур-конторой, в компетенции которой находилась теперь шпалерная мануфактура, было принято 34 шпалеры,³⁰ по-видимому, это – все, что было сделано за истекший период.

Переломным в процессе организации мануфактуры оказался 1723 год. Мануфактур-коллегия потребовала подготовить отчет о затратах на содержание шпалерного предприятия. Оказалось, что в 1723 году требуется 5401 рубль 50 копеек, из них 4594 рубля составляет жалование мастеровых и работных людей.³¹ Нужно было удешевить содержание мануфактуры для казны, для этого увольняются все французские мастера за исключением Бегагеля с двумя подмастерьями – братом Бегагеля Людовиком и неким Рансоном. Бегагель был оставлен благодаря своему опыту и добросовестности, а остальные – по его просьбе.

Был сделан расчет нового штата, исходя из следующих затрат на год:

Жалование: Ф. Бегагелю с братом – 950 рублей.

Подмастерье Рансону – 350 рублей.

Красильному мастеру Михаилу – 216 рублей.

19 шпалерным ученикам – 912 рублей (в эту сумму входили жалование и стоимость провианта).

4 красильным ученикам – 240 рублей.

Стоимость сырья, красок – 1000 рублей

Всего

3668 рублей.³²

По именному указу Петра I от 9 декабря 1723 года «... повелено с 1724 года отпускать на жалование шпалерным мастерам и ученикам и конторским, к шпалерному делу материалов и на прочие расходы по 3688 рублей на год по третям года». ³³ Брать эту сумму было решено из средств Соляной конторы, то есть из средств, получаемых за счет косвенных налогов, прежде всего, соляного сбора.

Рассчитанная сумма в 3688 рублей по сути включала только затраты на трудовые и сырьевые ресурсы, не учитывались затраты на оборудование и содержание основных фондов. По-видимому, на эти цели правительство предлагало выделять средства отдельно, целевым назначением по мере необходимости. Новый штат не учитывал и возможные изменения в расходах на заработную плату и сырье. Так, уже в 1723 году один из уволенных французских мастеров Иван Бурдейн, который так и остался в Петербурге, попросился назад и вновь был принят на шпалерную мануфактуру. Это учтено в новом штате не было. Таким образом, выделенная сумма явно не покрывала всех расходов, но, несмотря на нехватку средств, деятельность мануфактуры явно активизировалась. На это повлияло, прежде всего, упорядочение организации и четкое определение источников финансирования.

Была разработана новая форма контракта с французами, которая предполагала введение контроля над деятельностью мастеров. Контракт разрабатывался несколько месяцев, у Филиппа Бегагеля это даже вызвало беспокойство, и он настойчиво требовал скорейшего перезаключения контракта с ним. Контракты сохранились в деле о вы-

даче жалования служителям и мастеровым людям шпалерной мануфактуры за 1723 год.

Ф. Бегагель нанимался еще на 6 лет с условием «как доброму человеку надлежит и со всякой принадлежностью и возможностью трудиться как в работе данных ему всяких картин к шпалерному делу, так и в научении русских данных ему учеников».³⁴ Ученики – 5 человек – поступали в учебу на три года и «по истечении этого срока должны были в совершенстве владеть шпалерным искусством». По параграфу 3 контракта. Бегагель обязывался взять еще 14 учеников в течение следующих пяти лет, причем строго указывалось на то, чтобы в продолжение всего времени действия контракта был полный комплект учеников. Контракт фиксировал оклад Ф. Бегагеля в 950 рублей, на которые он должен был также содержать и своего брата. По-прежнему ему предоставлялись бесплатная квартира и дрова, «а от коллегии более ничего не требовать». Правительством предусматривались интересные меры по обеспечиванию выполнения контракта: ежегодно из жалования мастеров удерживалось по 200 рублей и возмещалось по мере подготовки учеников и изготовления шпалер. Правительство Петра I учло негативный опыт 1716-1719 годов и попыталось как найти рычаги воздействия на французских мастеров, так и обезопасить себя от чрезмерных, неокупающихся расходов.

Петровская администрация обязалась «вечно вспоможение чинить красильному мастеру», но четко определяло порядок подачи заявки на необходимое сырье и материалы – за три месяца «дабы коллегия (мануфактур) могла заблаговременно ему выдать» (§ 5-6).³⁵

1 марта 1724 года был заключен контракт со шпалерным мастером Бурдейном: «Обязуется он мастер во всякая определенная ему Мануфактур – коллегии картин со всякая верностью, прилежанием и радением работать. Ежели того не учинит, то вычесть из жалования по пропорции ево неисправности яко в составленном в коллегии регламенте написано...».³⁶ К Бурдейну также прикреплялись ученики, которых он обязан был обучить в совершенстве своему искусству, что должна была засвидетельствовать Мануфактур-коллегия. Параграф 3 говорит о том, чтобы ученики были постоянно, в случае, если кто не способен к художественному ремеслу или умрет, мастер немедленно обязан сообщить об этом в Мануфактур-коллегию, чтобы прислали замену. Интересно, что по контракту Бурдейн «должен будет число оных учеников обучать без жалования и своим коштом (т.е. на свои средства) в положенный срок».³⁷ Этот пункт также свидетельствует об ужесточении условий найма французов.

Жалование Бурдейну определялось в 300 рублей в год, а сверх того 100 рублей «удерживать по силе присланного из Кабинета указа и по примеру с прочими мастерами составленных контрактов... для исполнения всем обязательствам...». Эти деньги ему будут возмещаться по мере подготовки учеников и демонстрации «прилежания в работе».³⁸ В результате Бурдейн в 1726 году имел 4 ученика, о которых он очень хорошо отзывался. И братья Бегагель, и мастер Бурдейн в дальнейшем условия контракта выполняли в полном объеме, а вот русское правительство не совсем. О возврате удержанного жалования мастерам приходилось неоднократно просить. Об этом свидетельствует доношение в Мануфактур-контору мастера Ф. Бегагеля от 9

марта 1730 года: «Також я требовал многими доношениями чтобы выданы были мне удержанные деньги за прошлые годы и жалованье... от чего з домашними своими впал в великия долги».³⁹

Бегатель и Бурдейн в 20-е годы XVIII века стали ведущими специалистами шпалерной мануфактуры, но они были только хорошими ремесленниками, а шпалерное дело требовало участия художников. В сентябре 1723 года был нанят живописец Д. Соловьев. Сначала ему платили по ассигнациям штатс-контор коллегии 75 рублей в год и 20 пудов хлеба, а с 1725 года включили в штат шпалерной мануфактуры.⁴⁰ К работе на ней также привлекался художник Пильман, у которого было 3 ученика. Периодически заказы на картины для шпалер получали известные художники. Луи Каравакк, например, написал картон, с которого ткали гобелен для «Полтавской баталии».

Все мероприятия, осуществленные Мануфактур-коллегией в отношении шпалерной мануфактуры в 1723 году, позволяют утверждать, что затянувшийся организационно-учредительный период завершился и художественное предприятие, наконец, должно было начать стабильную работу. Были определены источники финансирования, производственная структура, организация управления. Основным заказчиком выступал Двор Императора и аристократия, развернувшие масштабное дворцовое строительство. Шпалеры представляли интерес как драгоценный элемент придворного интерьера и пользовались спросом. Все это должно было благоприятствовать развитию художественного шпалерного производства, но судьба придворного предприятия всегда зависела и от тенденций внутренней политики. Смерть Петра I и эпоха дворцовых переворотов практически

прервали работу мануфактуры. Более серьезные задачи, вставшие перед государством, и политическая борьба отвлекли внимание заинтересованных лиц от шпалерного дела.

Наблюдается интересное явление: придворные художественные предприятия стабильно работали только при активном участии какого-либо высокопоставленного лица. Это мог быть сам император, или лицо в его окружении, или инициативный, честный и ответственный директор. В случае со шпалерной мануфактурой такими людьми были Лефорт и, прежде всего, сам Петр I Великий. После его смерти мануфактура пришла в упадок. Значит ли это, что она искусственно вписывалась в существующую систему управления и реально подчинялась лишь конкретному заинтересованному лицу? Ответить на этот вопрос можно, лишь отследив подведомственность и порядок управления шпалерной мануфактурой и их особенности.

Глава 2. Управление шпалерной мануфактурой

Организационные и художественные задачи, которые стояли перед Императорской шпалерной мануфактурой, были сформулированы уже в 1716 году: «Чтоб управлять работных людей своего ремесла и чтоб учредить мануфактуру шпалерную, то надлежать сперва иметь добрых работников от их директора в их партикулярном таланте и по их знанию и искусству, ибо одни принадлежат к деланию ландшафтов, другие голов и телес, иные одежд, иные террасов, и иные же шитья и украшения, а иные цветов, птиц и иных зверей, а другие малых фигур по следованию и что все ремесленники быв в равенстве и без управления, непрестанно перерываться будут, хотя такую же работу сделать без отличию своего искусства. И для того надлежит, чтоб оный директор сам знал разные художества и чтобы он поправить мог работника тотчас».⁴¹ Принципами организации и деятельности мануфактуры признавались, таким образом: разделение труда, профессиональное руководство и единоначалие. Добиться этого можно было лишь при условии эффективного руководства предприятием из центральных ведомств.

Когда в 1716 году была учреждена шпалерная мануфактура, она содержалась в ведомстве канцелярии бывшего князя Меншикова вплоть до 1719 года. В 1717 году Меншиков писал кабинет-секретарю Макарову, находившемуся с царем в Амстердаме: «Как оныя (мастера) сюда прибудут, будет содержать по контрактам и праздны у нас оные не будут».⁴² Непосредственный надзор за шпалерщиками осуществлял архитектор Леблон, а директором стал Бегагель-старший, который через некоторое время скончался. Несмотря

на многоступенчатую систему руководства, пользы, как мы уже отмечали выше, она не принесла.

В 1719 году шпалерная мануфактура передается в ведение Берг-коллегии до 1722 года, назначается новый директор – Багарет. Поскольку в условиях интенсивного развития горнодобывающей, перерабатывающей, металлургической промышленности Берг-коллегия не могла уделять должное внимание еще и шпалерному делу, мануфактуру передают Мануфактур-коллегии. Меняется характер управления и самой шпалерной мануфактурой: один человек заведует личным составом, а другой – комиссар – занимается хозяйственными вопросами. Разграничение компетенции проводилось затем, чтобы повысить эффективность деятельности предприятия, бесперебойно снабжать сырьем, необходимыми материалами, с одной стороны, а с другой стороны – контролировать и регламентировать труд мастеров и служащих и подготовку учеников.

В 1729 году шпалерную мануфактуру передают теперь Коммерц-коллегии. Мануфактур-коллегия на некоторое время прекратила существование, её функции были переданы Мануфактур-конторе, а предприятия подчиняются Коммерц-коллегии. Еще в 1728 году из дома купца Апраксина шпалерная мануфактура была переведена в здание бывшей полотняной и каламинковой (род ткани) мануфактуры, более приспособленное для ткачества гобеленов, но работала мануфактура по-прежнему плохо.

28 ноября 1729 года поступило доношение Сенату от Коммерц-коллегии: «Сенату внесено предложение и требуется дабы имеющуюся при Санкт-Петербурге шпалерную мануфактуру со всеми масте-

ровыми людьми служители и инструменты и материалы для лучшего смотрения и в харче и в протчем против Санки-Питербурха дешево-сти... перевести в Москву».⁴³ 19 октября 1730 года из Правительствующего Сената был даже прислан соответствующий указ «О бытии шпалерной фабрики в Москве и о усовершенствовании шпалерного художества». Указ касался и Бегагеля, с которым предполагалось заключить контракт еще на три года с обязанностью обучить трех подмастерьев, и шпалерной фабрики, которую для удешевления содержания предлагалось перевести в Москву. Окончательного решения всё же принято так и не было, мануфактура осталась в Санкт-Петербурге.

В этом же году Мануфактур-коллегия представила Сенату доклад, в котором также просила разрешение на заключение нового контракта с Бегагелем, чтобы он завершил обучение трех талантливых русских учеников, и опять рекомендовала перевести шпалерную мануфактуру в Москву, чтобы удешевить ее содержание. Сенат разрешил продлить контракт, а второй вопрос оставил на усмотрение императрицы Анны Иоанновны. Вопрос рассматривался почти два года. В мае 1732 года окончательно решено мануфактуру оставить в Петербурге, и Сенат требует от Коммерц-коллегии произвести капитальный ремонт как в каменных палатах самой шпалерной мануфактуры, так и в жилых деревянных покаях.⁴⁴

Чиновники Коммерц-коллегии не слишком были обеспокоены состоянием мануфактуры, да и средств на ее содержание не хватало. 9 марта 1730 года Ф. Бегагель доносит в Мануфактур-контору об отсутствии красок и других материалов. Недостаток сырья таков, что

шпалерное производство на грани остановки.⁴⁵ Поскольку ответа не поступило, красильный мастер пишет вновь: «Того ради всенижайше прошу чтоб повелено было краски выписать заблаговременно також и золота... чтоб мне не пришлось в какую винность понеже я многократно доношениями и мемориями требовал безотступно».⁴⁶ Дела были настолько плохи, что Бегагель стал бояться того, что его заставят разделить ответственность за кризис мануфактуры. Примечателен и тот факт, что мастер обращается не в то ведомство, которому была поручена шпалерная мануфактура, а в Мануфактур-контору. Дело не только в том, что она обеспечивала предприятия сырьём и материалами, скорее всего уже было известно, что планируется передать шпалерное дело какому-то другому учреждению, возможно, Бегагель считал, что им будет именно Мануфактур-контора.

11 сентября 1732 года Придворная контора требует предоставить сведения о состоянии шпалерной мануфактуры. Мануфактура располагалась в каменных палатах длиной 50 сажений, к которым примыкали жилые деревянные помещения. В наличии было 7 станов для шпалер в технике готлисс, 4 стана для шпалер в технике баслисс, но работы производились лишь на 8 станах, соответственно, в работе было 8 шпалер и еще 8 были полностью готовы. Инструментов использовалось так мало, что они все перечислены в отчете поштучно: 19 гребней костяных, 7 – деревянных, 2 циркуля, 6 щипцов, 4 ножниц и т. д.

Комиссаром шпалерной мануфактуры был Максим Изединов, а мастером оставался Ф. Бегагель. В штате состояли 1 шпалерный и 7 красильных учеников, живописец Дмитрий Соловьев, 6 солдат и 4

священнослужителя.⁴⁷ Солдаты входили в состав караульной команды, которая в обязательном порядке имелась на каждом предприятии. Что касается церковников, то они состояли в штате в том случае, если была церковь при мануфактуре.

Доклад о состоянии мануфактуры был подготовлен для того, чтобы передать ее в ведомство Мануфактур-конторы. 31 октября 1732 года появился именной указ Анны Иоанновны следующего содержания: «Шпалерный завод, который имеется в ведомстве Коммерц-коллегии, со всеми к оному заводу принадлежащими инструментами и материалами и мастеровыми людьми и со всеми служителями, которые при том заводе определены и что имеется налицо из сделанных шпалер и прочих уборов взять в ведомство Придворной конторы».⁴⁸ Был назначен и новый директор – живописец Каравакк.

Решение это было хорошо продуманным и к тому же вполне целесообразным. Как мы уже писали ранее, рассматривая первый период деятельности мануфактуры, фактически сложилась система двойного, а временами тройного подчинения этого придворного художественного предприятия. За период с 1719 по 1732 годы шпалерная мануфактура официально последовательно подчинялась трем центральным учреждениям: Берг-, Мануфактур-, Коммерц-коллегиям. Параллельно с этим контроль над мануфактурой осуществляли и придворные ведомства: Придворная контора и Цалмейстерская контора. Первая решала вопрос о финансировании, контролировала приход и расход денежной казны, издержки материалов и инструментов. Ежегодно из императорского Кабинета направлялся документ об ассигновании соляных сумм на содержание шпалерной мануфактуры, а

Придворная контора контролировала движение этих денег. Цалмейстерская контора принимала и хранила готовые изделия.

Вне зависимости от того, какое учреждение являлось головным для шпалерщиков, за обеспечение сырьем и материалами отвечала Мануфактур-коллегия или Мануфактур-контора, в которую направлялись реестры- требования на краски, пряжу и другие материалы. Таким образом, головное ведомство отвечало лишь за организацию производственного процесса и личный состав мануфактуры. Крайне слабо отработанная система руководства, межведомственная разобщенность, естественно, не могли влиять положительно на развитие шпалерного производства. Это и было главной причиной крайне плохой работы мануфактуры в 1719-1732 годах.

Почему сложилась такая ситуация с управлением шпалерной мануфактурой? Первая причина – общего плана. В России XVIII-XIX веков не было ведомства, централизованно управлявшего экономикой, и разобщенность управления в целом была характерна для российской промышленности.

Вторая причина связана с тем, что поскольку основным заказчиком шпалер выступал Императорский Двор и он создавал мануфактуру как придворное предприятие для обслуживания своих нужд и потребностей, постольку право генерального контроля оставалось за придворными ведомствами. Но в этом случае не целесообразнее ли было полностью подчинить шпалерную мануфактуру Придворной конторе? Анна Иоанновна ответила на этот вопрос положительно.

Придворная контора в лице графа фон Левенвольда и обергофмаршала Шепелева предпринимала ряд мер к развитию шпалер-

ной мануфактуры: выписывались доброкачественные материалы из-за границы, было предоставлено новое здание на Литейной стороне, увеличены оклады мастеровых. Шпалер ежегодно изготавливалось не так много, исходя из реальных потребностей Двора императрицы Анны Иоанновны. Относительно эффективное управление осуществлялось вплоть до смерти Анны. Опять наблюдается знакомая ситуация: мануфактура развивается, пока царствующая особа проявляет заинтересованность в этом, и воля монарха, в конечном итоге, определяет судьбу придворного предприятия, производившего декоративно-прикладную роскошь.

В течение семи лет с 1740 по 1747 год шпалерная мануфактура влачила жалкое существование. 26 июля 1747 года Придворная контора подала на имя императрицы Елизаветы Петровны всеподданнейший доклад о крайней нехватке средств на содержание шпалерного предприятия. Последний раз деньги из Соляной конторы были отпущены в 1742 году в размере 8000 рублей. Контора сообщала, что просьбы о деньгах подавались трижды в 1744 году, 13 марта 1745 года и 9 декабря 1746 года, но остались без ответа. Придворная контора была вынуждена тратить собственные средства – порядка 11000 рублей, но больше денег на шпалерную мануфактуру расходовать не могла. «За неимением денег при оной мануфактуре в производстве ее действия учинилась совершенная остановка и люди от неполучения жалования претерпевают крайнюю нужду».⁴⁹

Придворная контора просит передать предприятия в управление Мануфактур-коллегии, однако ответа не последовало. В 1750 году умирает мастер Бурдейн, руководивший производством шпалер после

смерти Бегагеля в 1733 году. Число учеников сразу сокращается, выбывают все русские подмастерья за исключением Акима Старкова. Деньги на содержание мануфактуры выдаются крайне нерегулярно. Мастерские по два года не получали жалование и были вынуждены скитаться по столице и просить подаяние. Периодически они слезно просили правительство о выплате денег, заручались поддержкой различных влиятельных лиц, таких, как граф А. П. Бестужев-Рюмин,⁵⁰ но все напрасно. Упадок ощущался во всём, даже помещение мануфактуры пришло в полную негодность.

В сентябре 1752 года подается очередной доклад Императрице о бедственном положении шпалерной мануфактуры за подписью комиссара Дмитрия Шелехова.⁵¹ В докладе от имени Придворной конторы сообщалось, что она к 1751 году потратила на шпалерное дело из собственных средств 10652 рубля 80 копеек и, несмотря на регулярные запросы, деньги ей возмещены не были. Средств, ассигнованных по указу императрицы Елизаветы от 6 июня 1751 года, хватило только на выплату жалования, а на содержание мануфактуры требовалось еще не менее 1700 рублей в год. Так как все запасы материалов израсходованы, а денег нет, то шпалерная мануфактура стоит, «люди находятся без дела праздны и жалование Вашего Императорского Величества получают втуне», – сообщал Шелехов.⁵² Придворная контора просила или ассигновать конкретную сумму на содержание мануфактуры, или передать ее в другое ведомство.

Но чтобы заставить Елизавету Петровну обратить внимание на мануфактуру, нужно ее было по-настоящему этим заинтересовать, тем более что президент Кабинета Ея Императорского Величества

барон Черкасов предлагал шпалерную мануфактуру как предприятие убыточное передать в партикулярное содержание фабриканту Затрапезному, поскольку он хотел бы заняться производством гобеленов. Елизавета распорядилась подготовить донесение о состоянии Императорской шпалерной мануфактуры, чтобы решить ее судьбу.

В донесении, составленном для Елизаветы Придворной конторой, говорилось о низком спросе на шпалеры и о том, что готовые изделия пропадают зря, «онья вещи могут употреблены быть с пользой лутче нежели им пропадать напрасно».⁵³ Отмечалось, что большее употребление шпалер будет способствовать развитию мануфактуры, тем более что России нужно иметь хотя бы и небольшое подобное предприятие. «И понеже сил шпалеры являются не просто и не для украшения дому токмо государей, но на сих шпалерах повелевают они делать изображения представлявших Историю их славных дел ибо оное тканье все виднее цветнее представляет зрению человеческому...».⁵⁴

Авторы донесения, к сожалению оставшиеся неизвестными, явно стараются привлечь внимание Императрицы к мануфактуре, убеждая, что расширение производства шпалер и развитие этого искусства в России, способны возвеличить ее достоинство.

К причинам, вызвавшим кризис шпалерной мануфактуры, они относят отсутствие директора. Руководство осуществляет комиссар от придворной конторы, «человек незнающий також жалование велико берет». Следует отметить, что в свое время комиссару шпалерной мануфактуры были предоставлены весьма широкие полномочия: в бытность комиссара Максима Изединова в 1733 году ему была разра-

ботана подробная должностная инструкция, в которой перечислялись его функции. Это и учет денежных средств, и приобретение необходимых материалов и инструментов и выдача их мастерам, подсчет затрат на изготовление шпалер. Помимо всего этого «иметь ему Изединову прилежное смотрение той мануфактуры с мастерами и прочими служители, чтоб они отправляли дело свое неослабно, без дела праздны не были и втуне жалования не получали».⁵⁵ Комиссару помимо административных давались и полицейские функции, то есть право наказывать «по своему рассмотрению» за лень, пьянство и дерзость. Тем не менее комиссар главным образом решал вопросы административно-хозяйственные, а общее руководство осуществлять было некому.

Возвращаясь к тексту донесения «О находящейся в Санкт-Петербурге шпалерной мануфактуре», составленном для Елизаветы Петровны Придворной конторой в 1752 году, следует отметить, что через весь документ красной нитью проходит мысль о необходимости сохранить производство шпалер. Советник Гросс прислал записку о состоянии шпалерной мануфактуры в Париже, видимо, по просьбе авторов нашего донесения, которые, ссылаясь на опыт Франции, предлагают:

- *назначить Главного директора шпалерной мануфактуры;
- *сохранить ежегодное финансирование в размере 8000 рублей;
- *мастеру назначить жалование по контракту, а прочим служителям по усмотрению Главного директора, «но по трудам и годности»;
- *обеспечивать мануфактуру сырьем «из первых рук», чтобы удешевить ее содержание.⁵⁶

Наконец Елизавета принимает решение. 30 января 1755 года шпалерная мануфактура передается в управление советнику Дмитрию Лобкову, которому поручалось «крайне стараться, ее без продолжения привести в надлежащее». Головным ведомством для мануфактуры становится Сенат.⁵⁷ Елизавета, передав её Сенату, решает вопрос и о финансировании предприятия за счет штатс-контор средств.

Чиновник камер-коллегии, коллежский советник Д. Лобков принялся за дело энергично, хотя наследство ему досталось тяжелое: каменное здание мануфактуры требовало ремонта; красильня для шелков и гарусов располагалась в ветхом деревянном строении. В штате состояло 42 человека, из них лишь один подмастерье – Аким Старков. Работало только 4 стана, на них в последние годы было выткано всего 12 шпалер.⁵⁸ В определении Правительствующего Сената Лобкову от 14 февраля 1755 года отмечалось, что «известно то для оной фабрики наиглавнейшего не достает», а именно искусных живописцев шпалерных и красильных дел мастеров», а без них шпалерную мануфактуру в цветущее состояние привести никак будет невозможно».⁵⁹

Сенат приказывает отыскать и нанять двух живописцев для рисования картин, с которых делают шпалеры – «одного исторического и ландшафтного искусства, а второго для малевания зверья и птиц»,⁶⁰ а также двух шпалерных мастеров, владеющих техникой готлиссового и баслиссового искусства, и трех красильных мастеров. Сенат распоряжается также к уже нанятому в Париже красильному мастеру

Петру Филиппу прикрепить русских учеников, а недостающих мастеров выписать из-за границы.

Длительный период застоя и кризиса шпалерной мануфактуры не прошел бесследно, секреты мастерства были утрачены, и вновь пришлось нанимать мастеров во Франции. В феврале 1755 года приглашен красильщик Кювелье, в 1758 году М. Ге. В октябре 1756 года приехали из Франции законтрактованные живописец Н. Пери, готлиссовый мастер И. Ронде, мастер баслисс Б. Строебант, подмастерье Х. Арганд. Из Стокгольма приехал нанятый мастер-универсал Эсприссер, как его называли в России (от *Esprit Serre*). Вместо уволенного по старости Соловьева был взят художником курляндец Андрей Гилбрет.

Лобков весьма энергично взялся за дело, хотя перестройка здания затянулась по вине подрядчика Терентьева до 1762 года. Мануфактура заняла двор между улицами Артиллерийской и Захарьевской, а на противоположной стороне находилась красильня с пристанью на реке Неве. Поступил и большой заказ от Императрицы на шпалеры для Зимнего дворца, на которых изображалось бы восшествие Елизаветы Петровны на престол. И опять подъем мануфактуры остановила смерть высокой покровительницы. Заказ закончен не был, Д. Лобкова Петр III приказал сместить, так как его несправедливо заподозрили в том, что он потакает подрядчику, а последний сознательно затягивает строительные и ремонтные работы, стремясь получить больше денег от правительства.

В 1762 году именным указом Петра III шпалерная мануфактура была передана в управление бригадиру Александру Дебрессану – че-

ловеку деятельному и добросовестному. По его предложению, 4 марта 1762 года учреждается Контора Императорской шпалерной мануфактуры.⁶¹ Наконец было создано специализированное отраслевое управление, занимавшееся исключительно шпалерным делом. Заводские конторы в XVIII веке были распространённой и хорошо зарекомендовавшей себя формой организации управления казенными предприятиями. Контора, являясь коллегиальным органом, могла охватить все стороны деятельности мануфактуры: финансовую, хозяйственную, учетно-распределительную, контроль над работой мастеровых и служащих. Комиссар фабрики подчинялся Конторе, вопрос о директоре некоторое время оставался открытым. Следует отметить, что прежняя система отношений между Императорским Двором и мануфактурой сохранилась, более того, она получила законченное оформление. Теперь назначался человек для надзора и попечения за мануфактурой со стороны Двора, тогда как раньше эта деятельность осуществлялась исключительно по чьей-либо инициативе, чаще монаршей. А. Дебрессан был именно таким назначенным императором человеком. Источники того времени дают его деятельности высокую оценку. В анонимном «Экстракте о заведении и управлении шпалерной мануфактурой»⁶² отмечалось, что Дебрессан вывел предприятие из кризиса и за эффективное управление им в июне 1762 года был назначен президентом Мануфактур-коллегии.

Екатерина II, взойдя на престол, именным указом шпалерную мануфактуру передала в управление действительному тайному советнику, сенатору Н. И. Панину. Директором он назначил некоего Москвина, но реальное руководство оставалось в руках сенатора, ко-

торое он осуществлял в течение 20 лет. Шпалерная мануфактура перестала подчиняться Сенату, были утверждены ее устав и новый штат,⁶³ по которому Государственное Казначейство должно было выдавать ежегодно на содержание шпалерной мануфактуры 19010 рублей и единовременно выдавалось еще 5000 рублей для приобретения необходимых материалов (см. приложение 1).

С 1783 по 1789 год шпалерная мануфактура была в попечении Андрея Петровича Шувалова, а с 1789 года по 1802 – князя Николая Борисовича Юсупова. По сути дела теперь была создана система индивидуального руководства, начало которой положил именной указ от 22 апреля 1783 года Екатерины II графу Шувалову «О препоручении в ведомство его заведенной в Санкт-Петербурге шпалерной мануфактуры и о предоставлении Ее Императорскому Величеству ежемесячно кратких уведомлений как об успехах в работах по той мануфактуре, так и о денежных издержках».⁶⁴ Екатерина II проявила личную заинтересованность в делах мануфактуры. После смерти тайного советника графа Шувалова в 1789 году она обращается с просьбой к князю Юсупову: «Князь Николай Борисович! Заведенную в Санкт-Петербурге шпалерную мануфактуру препоручаем в ведомство ваше на таком основании, как управлял ею Действительный Тайный Советник Граф Шувалов. Вы не оставьте донести нам в каком состоянии ее примите, и впредь ежемесячно подавать нам краткия уведомления, как об успехах в работе по той мануфактуре, так и денежных издержках».⁶⁵ Императрица не просто взяла Императорскую шпалерную мануфактуру под свой контроль, также она в какой-то степени регла-

ментировала порядок делопроизводства, оговаривая, какую отчетность направлять ей лично.

Интересна и форма вышеприведенного указа, это – своеобразное поручение, отличающееся простотой обращения, не столько повеление, сколько выражение просьбы. Это свидетельствует о том, что строгих единообразных форм законодательных актов еще не было, сильны элементы субъективизма, отсутствовал правовой формализм.

Учрежденная должность, которую можно назвать директор-попечитель, позволяла сочетать сложившуюся форму управления мануфактуры с постоянным контролем со стороны Императорского Двора. А непосредственное руководство процессом изготовления шпалер все чаще осуществляют художники. В 1795 году Екатерине II отправлено уведомление от князя Юсупова о кончине директора Гавриила Козлова и обращение к государыне с просьбой назначить на его место коллежского асессора Ивана Акимова, бывшего заместителя Козлова, «который возложенная на него должности к удовольствию моему (князь Юсупова – прим. авт.) исправляет с отличным усердием и прилежностью».⁶⁶ У Акимова было художественное образование.

Очередная реформа управления шпалерным предприятием опять связана с воцарением очередного императора – Александра I. Трижды мы наблюдаем в течение второй половины XVIII-начале XIX веков реформирование системы управления шпалерной мануфактурой, и всякий раз во время передачи престола. Причем преобразования проводятся в самые первые месяцы царствования, как правило, в течение года. Из этого следует, что придворные предприятия были од-

ной из первоочередных забот императора, что лишний раз подтверждает наш тезис о той социальной роли, которую играли предприятия декоративно-прикладной роскоши в российском государстве. Посредством их изделий происходила репрезентация могущества, власти императора, богатства и изобильности державы, поэтому эти мануфактуры развивались под пристальным вниманием главы государства.

Но в немалой степени это внимание объясняется и тем, что содержание придворных предприятий, производивших роскошь, тяжким бременем ложилось на казну и каждый новый правитель должен был убедиться в целесообразности дальнейшего их существования. Александр I издает указ, согласно которому шпалерная фабрика вместе с императорскими заводами фарфоровым, стеклянным и фаянсовым передавалась в ведение Кабинета Его Величества. В компетенцию Кабинета вводились также гранильные и камнерезные фабрики Екатеринбургская, Колыванская и Петергофская. Налицо стремление унифицировать управление придворными предприятиями, производившими роскошь и художественные изделия.

В 1803 и 1818 годах меняются штаты шпалерной мануфактуры. Штат 1803 года увеличил сумму ежегодного ассигнования до 33210 рублей (приложение 2). По штату, утвержденному Александром I 17 июля 1818 года, годовое содержание было определено в 59500 рублей в год,⁶⁷ создана художественная школа для учеников.

Государство начинает прагматично относиться к придворным предприятиям, пытается сделать их прибыльными, хотя в отношениях с мануфактурами типа шпалерной цель своего участия по-

прежнему видит в поддержании и развитии редкого искусства и производстве изделий для Императорского Двора. После создания министерской системы в деятельность шпалерной мануфактуры вмешивается министерство Императорского Двора.

В 1821 году директором ее был назначен профессор исторической живописи В. К. Шебуев,⁶⁸ таким образом, руководство мануфактурой передается профессиональному художнику. Поскольку шпалерная мануфактура из года в год становилась все убыточней, государство пытается ее перепрофилировать. По инициативе Министерства Императорского двора в 1836 году на мануфактуре учреждается производство простых наборных ковров, во главе которого поставили мастера из Варшавы Игнатия Соколовского. Сокращаются штаты, а уже в 1837 году финансирование уменьшается до 42 тыс. рублей в год.

8 февраля 1837 года принимается утвержденное императором Николаем I положение об Императорской шпалерной мануфактуре,⁶⁹ которое закрепляет ее превращение в торгово-промышленное заведение. Положение определяло подведомственность мануфактуры, структуру управления и компетенцию директора, регламентировало положение мастеров, подмастерьев, мастеровых и учеников, порядок делопроизводства и отчетность, также утверждался порядок расчета стоимости изделий.

«Императорская шпалерная мануфактура как собственность Его Императорского Величества состоит в непосредственном ведении кабинета»,⁷⁰ – подчеркивалось в положении. После многих лет, в течение которых предприятие передавалось из одного ведомства в другое,

наконец, законодатель окончательно закрепил его подведомственность только Кабинету, обусловив это тем, что оно является собственностью Императора. Структура мануфактуры включала три мастерские: живописную, готлиссовую и савонери – наборных ковров. Непосредственное управление поручалось директору, который избирался из художников Кабинетом с утверждением Министром Императорского Двора. Для «производства письменных и счетных дел» учреждалась Контора, состоящая из двух частей – Исполнительной для хозяйственного руководства и Счетной для ведения счетов и финансовой отчетности.

Компетенция директора определялась следующим образом: «Директор, находясь под непосредственным ведением Кабинета, управляет вверенной ему мануфактурой в качестве хозяина и отвечает за благосостояние, порядок и устройство оной во всех отношениях. Ему подчиняются все состоящие при Мануфактуре должностные лица».⁷¹ Власть директора в основе имела принципы патернализма, он отвечал за все аспекты деятельности предприятия и руководил всеми работавшими на мануфактуре. В его функции входило:

- исполнение всех предписаний и требований Кабинета;
- заготовление припасов и материалов и контроль над их использованием;
- исправное ведение отчетности;
- наблюдение за надлежащим исполнением обязанностей всеми должностными лицами;

- обеспечение высокого качества изготовленных изделий;
- исправное содержание строений.

Положением закреплялось крепостное положение мастеровых шпалерной мануфактуры: «Мастера, подмастерье, мастеровые и ученики с их детьми, ныне приписанные к мануфактуре, остаются навсегда принадлежащими сему заведению. Главные и частные мастера и подмастерья живописи получают определенное штатом жалование, остальные оплачиваются сдельно».⁷² При этом мастеровым и работным людям государство давало некоторые гарантии: обеспечение жильем, пенсиями по положению от 6 апреля 1830 года, во время болезни им выплачивалась сумма 75 копеек в день на содержание семейств.

Эти нормы свидетельствуют о зарождении трудового и социального законодательства, хотя наблюдается известное противоречие этого тезиса с крепостным состоянием мастеровых. С нашей точки зрения, патернализм, характерный для взаимоотношений самодержавного государства и казенных предприятий, администрации и работников этих предприятий, породил различные формы государственной заботы о последних. Обеспечение жильем, продовольствием, иногда организация медицинского обслуживания и школ для детей рабочих и служащих встречались в практике деятельности казенных мануфактур довольно часто, со временем они трансформировались в новые для XIX века формы правоотношений, характерные для сферы трудового и социального права. Хотя вплоть до отмены крепостного права это не более чем частные явления, связанные с деятельностью отдельных предприятий. Причем целью закрепления со-

циальных норм в положении было, скорее всего, стремление повысить эффективность ее работы. Использовались для этого и другие формы и методы. Предполагалось, например, развивать в первую очередь производство наборных ковров, от прибыли которых содержать мастерские живописи, готлиссовых шпалер и савонери.

В 1838 году Кабинет направляет на мануфактуру ревизию под председательством члена Кабинета действительного статского советника Всеволжского, чтобы оценить состояние предприятия и его нужды. Комиссия нашла мануфактуру в состоянии кризиса. В результате ревизии директора Шебуева уволили, а Всеволжский представил проект реформы предприятия: организовать производство жаккардовых ковров за счет коммерческой прибыли, от реализации которых содержать производство шпалер.⁷³

Управление производством ковров поручили некоему Герзи – уроженцу Турина, специально приглашенному из Италии специалисту, но дело так и не пошло. Глава Кабинета граф Перовский неоднократно предлагал шпалерную фабрику закрыть, но Николай I не позволял этого сделать, ибо говорил он: «С закрытием шпалерной мануфактуры рушится учреждение, завещанное Петром Великим».⁷⁴

Последний проект реформирования мануфактуры представил управляющий императорскими заводами Стейнбок, в компетенции которого предприятие оказалось в середине XIX века. Он предлагал возродить традиционное производство шпалер, но, к сожалению, ничего сделано не было.

История управления Императорской шпалерной мануфактурой показывает, что какого-либо единообразия в управлении предпряти-

ями, производившими роскошь для Двора, а также в целом художественными предприятиями России не было. Попытки включить их в существовавшую систему управления промышленностью тоже не увенчались успехом. Более того, даже для одного предприятия – шпалерной мануфактуры – не было выработано принципов управления и, как следствие, не сложилось сколько-нибудь единой системы. За время существования мануфактуры ею последовательно управляли: 1716-1719 годы – канцелярия князя Меншикова; 1719-1722 годы – Берг-коллегия; 1722-1729 годы – Мануфактур-коллегия; 1729-1732 годы – Коммерц-коллегия; 1732-1755 годы – Придворная контора; 1755-1762 – Сенат; 1762-1802 годы – Контора шпалерной мануфактуры и, так называемые, директора-попечители, или управляющие А. Дебрессан, Н. Панин, А. Шувалов, князь Н. Юсупов; 1802-1858 годы – Кабинет Его Императорского Величества.

Складывается впечатление, что на первых этапах деятельности в период с 1716 по 1732 годы шпалерную мануфактуру просто перебрасывали из ведомства в ведомство. Скорее всего, это связано с разобщенностью, характерной в то время для системы управления российской промышленностью. В этой ситуации вопрос о подчинении сложного, дорогостоящего, не приносящего прибыли шпалерного производства решить было трудно.

Налицо попытки правительства включить эту мануфактуру в сложившуюся систему руководства хозяйством через подчинение коллегиям, одновременно сохраняя контроль над ее деятельностью в руках придворных ведомств. Так возникло, по сути, двойное подчинение в управлении шпалерной мануфактурой.

С увеличением числа придворных предприятий целесообразно было бы создать орган централизованного руководства ими при Дворе, но в России вплоть до начала XX века вообще не было государственного учреждения, которое бы занималось только промышленностью и промышленной политикой или экономикой страны в целом, тем более не было учреждений, руководящих однотипными предприятиями. Это и привело к тому, что шпалерную мануфактуру передавали из одной коллегии в другую, пытаясь наладить эффективное руководство. Особый интерес правящей верхушки к производству гобеленов породил ее стремление поучаствовать в контроле над ним и, в конечном итоге, двойное управление мануфактурой.

Этот особый интерес стал основным фактором, влиявшим на развитие мануфактуры. Огромные затраты на ее содержание покрывались за счет средств государства, только при наличии такого интереса, другого пути просто не было, не случайно администрация предприятия всячески старалась привлечь внимание именно монарха к его проблемам. Двойное подчинение в управлении мануфактурой вплоть до 1732 года не давало хороших результатов, и она была полностью передана придворному ведомству, но у Придворной конторы просто не хватило средств на развитие шпалерного дела. Тогда императрица Елизавета переподчинила мануфактуру Сенату.

Только Петр III попытался создать специализированный орган управления шпалерной мануфактурой в форме Конторы. При этом двойное подчинение не только возродилось, но и получило окончательное оформление в виде должности директора-попечителя, каковым, как правило, являлся специально назначенный высокопоставленный вельможа. Эта система управления сохранялась до 1802 года.

Разобщенность управления шпалерной мануфактурой выражалась еще и в том, что финансирование, процесс производства и распределение готовой продукции находились под контролем разных учреждений. Финансирование в XVIII веке в разное время осуществляли Соляная контора, Штатс-контор-коллегия, Придворная контора. Готовой продукцией распоряжалась Камер-Цалмейстерская контора.

И только в начале XIX века управление шпалерной мануфактурой сосредотачивается в едином центре – Кабинете, вместе с другими аналогичными предприятиями. Начинается унификация управления придворными художественными фабриками, хотя до конца преодолеть полицентризм в организации руководства ими так не удалось.

Шпалерная мануфактура не задерживалась долго в одном ведомстве, видимо, еще и потому, что производство это было весьма трудоемким и затратным. Как коллегии, так и придворные учреждения не слишком жаждали нести за него какую-либо ответственность. Лучше всего подтверждают этот тезис многочисленные донесения из Придворной конторы в 1753-1755 годах к Елизавете Петровне с просьбой передать мануфактуру в другое ведомство.

Дать экономическую оценку деятельности шпалерной мануфактуры трудно. Сохранившиеся источники: бухгалтерская отчетность, донесения в вышестоящие инстанции, именные списки мастеров, описи имущества, ведомости готовой, сделанной продукции позволяют охарактеризовать только финансовую сторону деятельности мануфактуры и ее результаты, а также условия применения и потребления рабочей силы. Но даже на основе этих данных можно сделать определенные выводы о специфике производства шпалер.

Глава 3. Финансовая отчетность шпалерной мануфактуры **и ее значение**

Финансовая отчетность – это совокупность форм отчетности, составленных на основе данных бухгалтерского учета, позволяющих оценить имущественное состояние предприятия, его финансовую устойчивость и платежеспособность. Ведение бухгалтерской отчетности с технической стороны требовало наличия специалистов, с юридической стороны – для владельца являлось привилегированным доказательством его прав и законности деятельности. Для государства – это еще одно средство допустимого контроля над работой торгово-промышленного заведения.

Законом устанавливалось, какие бухгалтерские документы и книги вести обязательно. Закон не говорил, о какой-либо определенной форме ведения их, но в отношении каждой давалось указание относительно способа ведения. Система всех записей должна была в любой сфере деятельности предприятия показать характер и результат влияния на определенное лицо, предмет или имущество. С этой целью все действия подразделялись на столько групп, сколько существовало влияний или сделок. Свод всех записей, относящихся к действиям, которые производят одно влияние, назывался счетом, а систематизация этих записей по лицам и предметам – открытием счетов.

Счет строили на противопоставлении доходов – затрат, получения – выдачи, расхода – прихода и так далее. Отдельные записи с развитием бухгалтерской отчетности дополнялись сводной или систематической записью, заключавшейся в группировке отдельных

счетов. На их основе составлялась главная книга, представлявшая те же записи, но соединенные в группы по взаимосвязи. Самая простая запись – приходно-расходная, которая чаще всего встречалась на художественных предприятиях.

Позже используется двойная, или итальянская, система, открывающая счета по всем оборотам предприятия, как-то: счет собственного капитала и имущества недвижимого и движимого, счет товаров, счет материалов и другие. Статья 678 Устава торгового 1903 года прямо обязывала каждого владельца предприятия считать и поверять себя по книгам ежегодно и выводить баланс. Отчетность шпалерной мануфактуры за время существования развивалась от простых форм к сложным. В начальный период деятельности предприятия строгих форм отчетности еще не было. Ежегодно из Кабинета направлялся документ об ассигновании соляных сумм на содержание шпалерной мануфактуры. В произвольной форме фиксировалось поступление денег со ссылкой на соответствующий указ, затем указывались расходы на жалование, на материалы с подробной росписью, какие именно материалы приобретены и каким весом в фунтах и золотниках. В свободной же форме описывалось производство шпалер: сюжет, размер, степень готовности, кто из мастеров ее делал и затем составлялся реестр шпалер по годам.

С середины 20-х годов XVIII века велись книги для записи прихода материалов, где указывался год, месяц и число и делалась запись, какой материал и кому выдан. Типичная запись выглядела в такой форме:⁷⁵

Год 1725		
Месяц число Июнь 25	№	Принято в магазин красильного мастера Христофора Михалса крашенного шелку и гарусов разных колеров, а имянно шелку шестьдесят три фунта с половиной двадцать золотников гарусу семьдесят пять фунтов

Учет затраченных материалов велся строгий, по каждой шпалере делалась подробная роспись, какие именно материалы и в каком количестве израсходованы. Это объясняется как высокой стоимостью сырья, так и его редкостью, часть материалов даже выписывалась из-за границы.

В 1729 году контора мануфактурных дел направляет указ шпалерной мануфактуре о приходе и расходе денежных сумм, по которому их приход теперь оформлялся таким образом: объяснительная часть и распорядительная часть. Первая обязательно начиналась со ссылки «По указу Его Императорского Величества по определению Правительствующего Сената», далее фиксировалось, кому адресован документ: «конторе Мануфактурных дел», и на основании чего: «по доношению шпалерной мануфактуры мастера». Распорядительная часть документа регламентировала, какие суммы и за что выдать.⁷⁶ Если речь шла о выдаче жалования, то составлялся реестр с указанием фамилий и сумм заработной платы.

16 ноября 1730 года комиссар шпалерной мануфактуры отправил донесение в Мануфактур-контору: «Надлежит к пребудущему 1731 году сделать на шпалерную мануфактуру приходныя и расход-

ная деньгам и материалу пять книг. В том числе приходная и расходная деньгам в коже. Приходная и расходная материалам и записная указом».⁷⁷ Подобные книги стали основной формой бухгалтерской отчетности во второй трети XVIII века.

Реестры-требования на краски с указанием цвета и веса и другие материалы составлялись отдельно. Примером может служить донесение мастера Ф. Бегагеля о требуемых материалах в Мануфактур-контору от 6 июля 1728 года. «Требовал к шпалерному делу ниженаписанных материалов, а имянно шелку сырцу 20 фунтов, шелку белого 80 фунтов, гарусу белого 30 фунтов, поташа 30 фунтов, крапу 20 фунтов, индиго 4 ½ фунтов, вету 10 фунтов, вау 40 фунтов, желтого сандалу 15 фунтов, куркомы 12 фунтов, орлану 6 фунтов, фарнебоку 10 фунтов, красного сандалу 40 фунтов, вишневого сандалу 20 фунтов, орселис 10 фунтов, черного 10 фунтов, чернильных орешков 8 фунтов, самаку 6 фунтов (перечислены названия красок – прим. авт.), олова 2 фунта, селитры 3 фунта, мыла 30 фунтов, квасцов белых 40 фунтов, квасцов красных 20 фунтов».⁷⁸

Правительство мелочно регламентировало деятельность придворных предприятий, стремилось наладить жесткий контроль над использованием материалов и расходом денег. Это приводило к унификации делопроизводства на казенных предприятиях, установлению строгих единых форм ведения учета сырья и других материалов, прихода и расхода денежных средств, учета готовой продукции.

В июне 1730 года Придворная контора дает комиссару шпалерной мануфактуры М. Изединову инструкцию об учете денежной казны: «И о содержание оной принимаемая сумма денежной казны и ма-

териалы... а каким образом при той мануфактуре ему Изединову поступать и приход и расход денежной казны и материалов содержать». ⁷⁹ Инструкция определяла порядок получения и расходования средств следующим образом. Любое движение финансов, исключая мелочные расходы, осуществляется по указам Придворной конторы. На мелочные расходы выделяется ежемесячно 20 рублей, которые можно было потратить без указа, записывая в расход с указанием, на что именно потрачены деньги. Средства на необходимые материалы и инструменты выдаются по именным требованиям мастеров и записываются в расход с росписями, причем комиссару предписывается строго следить за тем, чтобы эти материалы расходовались по назначению. «А особливо надлежит иметь всегда точное известие каторая картина или шпалера со всеми расходу в деле обойтиса может, чего ради материалы на которую чего порознь употреблено будет записывать». ⁸⁰ За воровство грозили штраф и «истязание».

Все мастера должны были подавать в Придворную контору личные рапорты о приходе и расходе денежной казны, издержках материалов и инструментов по форме, показанной в регламенте Адмиралтейства. В конце года все приходные и расходные книги и указы передавались в Придворную контору для проверки и хранения. Готовые шпалеры отражались в специальной ведомости: «Полное число в казенных ведомствах Цалмейстерской конторы имеется налицо шпалер российской фабрики». ⁸¹ В 20-30 годы XVIII века давалось полное описание шпалеры, и рисунка, и цвета, и размера. С 1740 года указывается лишь размер. Цена картин и ковров в этот период не показывается.

Рапорты Андрея Петровича Шувалова Придворному ведомству о работе вверенной ему шпалерной мануфактуры за 1780-90 годы содержат месячные ведомости «об успехах в работах, о денежных и материальных издержках», в которых приходно-расходные операции расписываются более подробно и дают информацию для оценки имущественного и финансового состояния предприятия. Финансовая отчетность состояла теперь из ряда взаимосвязанных и взаимодополняющих ведомостей, обобщающей для которых являлась «ведомость об успехах в работах, о денежных и материальных издержках», составляемая ежемесячно. Фактически она представляла собой отчет по итогам финансовой и производственной деятельности за месяц, так как обязательно включала в себя, во-первых, количество сделанных шпалер (указывалась площадь сделанных гобеленов), во-вторых, приход и расход денежных средств, в-третьих, материальные издержки. Рассмотрим содержание отчета подробнее.

Готовые шпалеры показываются в квадратных аршинах и вершках, в зависимости от техники изготовления – готлиссовые, баслиссовые и «савонери» – отдельно. Цена при этом не указывается. Если в мае 1783 года было сделано в готлиссовом классе на 14 станах 9 кв. аршин и 4,5 вершка шпалер; в баслиссовом классе на 8 станах – 6 кв. аршин и 2 вершка, а в технике «савонери» на 7 станах картин и ковров шириною 24 аршина 2 вершка произведено работ на каждом аршине $\frac{3}{4}$ вершка,⁸² то за 10 лет серьезных изменений не произошло. За январь 1792 года сделано в технике готлисс на 14 станах 1 кв. аршин 208 вершков, в технике баслисс на 1 стане 128 кв. вершков, в «савонери» на 3 станах 178 кв. вершков.⁸³

Общая стоимость изделий указывалась в специальной ведомости «О состоящем на Императорской шпалерной мануфактуре долгу и о наличном Ея капитале», которая включала общую стоимость готовых и неоконченных изделий, понимаемую как оборотный капитал. По каждой шпалере составлялся счет: сколько, какого материала использовано и по какой цене. Это делалось не только с целью учета материалов, но и потому, что правительство интересовало, во сколько обходится производство шпалер, то есть их себестоимость. Таким образом, в 80-90 годы XVIII века, продажная цена одной шпалеры по-прежнему не определяется, но рассчитываются общие затраты на производство гобеленов. Это связано с тем, что единственным заказчиком выступает Императорский Двор, который не покупает шпалеры у придворного предприятия, а покрывает расходы на его содержание, и в этом смысле экономических отношений между Двором и придворными мануфактурами. Финансовая отчетность, следовательно, должна была в первую очередь показывать и обосновывать расходы предприятия.

Денежные издержки показывались в целом за месяц с учетом кассовых остатков на начало месяца и всех текущих поступлений и расходов. Отдельные ведомости расписывали приход и расход жалования, медикаментных сумм, которые удерживались из жалования по 1 копейке с каждого рубля, экономических издержек, в которых учитывались и амортизация, и обновление основного капитала, и найм жилья для служителей, и покупка дров, свечей, и приход и расход материалов. Последняя ведомость фиксировала расход золота пряден-

ного, шелка, гаруса, красок в фунтах и золотниках и общий остаток материалов на 1 число месяца, следующего за отчетным.

Отчетными периодами в XVIII веке считались месяц, треть года, полгода, год. По третям года составлялись «Генеральные ведомости о приходе и расходе денежной казны», обобщавшие и суммировавшие данные месячных ведомостей.

Итак, основное содержание финансовой отчетности шпалерной мануфактуры как придворного предприятия, производившего предметы роскоши, – оценка денежного выражения и структуры затрат. Это было необходимо для определения размера суммы, отпускаемой правительством на содержание мануфактуры. Основная цель самого царского правительства – найти источники средств и проконтролировать, как они расходуются. То есть изначально даже не предполагалось, что шпалерная мануфактура должна приносить прибыль, она создавалась для обслуживания потребностей единственного заказчика – Императорского Двора. Однако это не означает, что Двор делал какие-то конкретные заказы и только они выполнялись на шпалерной мануфактуре. Наряду с заказами Двора администрация предприятия могла инициировать производство каких-либо ковров или гобеленов к юбилейным датам, а также по предложению мастеров. Все эти работы учитывались в «Ведомости какие именно при Императорской шпалерной мануфактуре на станах производятся работы, в котором году начаты, сколько сделано и доделать надлежит и за какое время оные окончены быть могут». Поскольку шпалеры изготавливались в течение нескольких лет, постольку ведомость отражала не только результаты производства, но и была своего рода перспективным планом.

Состояние основного капитала показывала «Ведомость о состоянии шпалерному дому и о нужных поправках», в которой перечислялись все постройки с характеристикой необходимых ремонтных работ. Прилагалась смета с расчетом их стоимости. Нередко в этой ведомости даются рекомендации по обновлению основного капитала. Так, в мае 1783 года делается предложение построить жилой корпус для служителей, что хотя и обойдется казне в 4500 тысяч рублей, но затем не нужно будет тратиться на найм жилья.⁸⁴

Использование рабочей силы показывала «Ведомость сколько каких чинов при Императорской шпалерной мануфактуре быть положено и ныне находится», в основу которой был положен Высочайше утвержденный штат (см. приложения 1-3).

С 20-х годов XIX века структура финансовой отчетности меняется. Теперь директор мануфактуры ежегодно представляет в ведомство Кабинета Годовой финансовый отчет, который содержит баланс о капиталах шпалерной мануфактуры и отчет о суммах, состоящих в ведении шпалерного предприятия. Последний включал в себя:

- счет расходов на содержание шпалерной мануфактуры (расходы на жалование, содержание лазарета, экономические издержки и пансионы);
- счет суммы, поступившей из Кабинета Его Императорского Величества на содержание мануфактуры;
- счет доходов шпалерной мануфактуры (это доходы от сдачи в аренду имущества мануфактуры);
- счет кассы (доходы и расходы за отчетный год);
- счет материалов в ведении Комиссара;
- счет материалов, используемых при работах;
- счет красильной мастерской;

- счет ткацким станам и инструментами;
- счет картин и эстампов (с которых делали шпалеры);
- счет строениям;
- счет вещей Главного Смотрителя (дрова, свечи, масло и т. д.);
- счет тканых изделий (готовая и незавершенная продукция);
- счет долгов по разным местам и лицам (здесь же учитывалась и реализованная продукция);
- счет оборотного капитала;
- счет наград за произведенные изделия;
- счет жалования;
- счет пансиона отставным и вдовам;
- счет расходов на содержание лазарета;
- счет расходов на экономические суммы (починка зданий и инструментов, дрова, свечи, масло, содержание учебных рисовальных классов);
- баланс сумм и капиталов, оставшихся на 1 января года, следующего за отчетным.

С 1824 года в годовой отчет включается также счет прибылей от продаж.⁸⁵ Отчетность унифицируется и приводится к единообразию, баланс показывает в наиболее законченной форме имущественное и финансовое положение шпалерной мануфактуры, причем исключительно в стоимостном выражении.

В активе баланса фиксируются основные и оборотные капиталы, функционировавшие в предприятии на годовую отчетную дату: станки и оборудование, запасы дров, сырья и других материалов, средства в производстве, то есть затраты на жалование и производство гобеленов, готовые тканые изделия, денежные остатки в кассе. В пассиве общая сумма капиталов, функционирующих в предприятии, повторена, но в

ином юридическом разрезе, то есть с точки зрения принадлежности капиталов. Обычно, это – или собственные, или заемные капиталы, но в специфических условиях придворного предприятия, производящего роскошь, это капиталы, оставшиеся в остатке от прошлого года, и капиталы, полученные в качестве ежегодного содержания.

Если основной капитал понимался как здания и сооружения («строения»), станки, чтобы ткать гобелены, другие инструменты, то в оборотный капитал относили и потребляемые запасы сырья в стоимостном выражении, и все денежные затраты, включая пошлины, средства, покрывающие перерасход жалования в случае повышения чина, и многое другое.

В итогах движения капиталов не учитывался амортизационный капитал, который включался в счет экономических издержек. Считалось, что он лишь компенсирует износ имущества, учтенного по первоначальной стоимости в основных капиталах.

Счет долгов по разным местам и лицам содержал и перечень реализованных изделий по штучным заказам, для чего впервые начинают рассчитывать стоимость готовых шпалер, которая складывалась из прямых расходов на материал и на жалование, сумм для увеличения материального капитала и премий в пользу трудившихся над заказом.

Экономическая прибыль по-прежнему не предполагалась. Эффективность производства оценивалась наличием экономии средств. По каждой статье в балансе показывались «сбереженные» средства, то есть если себестоимость изделий оказывалась ниже ранее предполагаемой, тогда и возникали «прибыли», не имеющие ничего общего с экономической прибылью.

С 1828 года бухгалтерская отчетность шпалерной мануфактуры усложняется.⁸⁶ Теперь все счета показываются в общем балансе по обороту капитала. Сначала фиксировался остаток средств на 1 января отчетного года, затем поступления по каждому счету, затем израсходованные суммы и остаток на конец года. Расходы делились на невозвратные и на обороты мануфактуры. Подписывался баланс директором и бухгалтером.

Появился генеральный счет об оборотах капитала, показывающий его движение по следующим статьям: жалование, покупка картин и эстампов, содержание лазарета, экономические суммы, пансион, доходы, материальные суммы, долги, материалы и их использование, тканые изделия, станки и инструменты, вещи в ведении Смотрителя, списанные вещи, износ строений, картины и эстампы. Новым также стал сравнительный счет капиталам, сравнение велось с предшествующим периодом, и если наблюдалось приращение капитала, то деятельность шпалерной мануфактуры оценивалась хорошо.

Отчет мануфактуры за 1833 год тогдашний директор Василий Шебуев дополнил сведениями об изготовленных изделиях и сравнительной ведомостью о расходах по статьям штатного расписания.⁸⁷ Он отмечал, что со времен Екатерины II материальный капитал (стоимость всех материалов, имеющихся на шпалерной мануфактуре и 8000 рублей в билетах Государственного Заемного Банка) увеличился с 5000 рублей до 68785 рублей 75 $\frac{1}{4}$ копеек. Заметим, однако, что сравнение это не корректно, поскольку нужно было оперировать сопоставимыми ценами с учетом инфляции, чего Шебуев, естественно, не делал. Он пытался доказать, что шпалерная мануфактура процветает: «Настоящее же положение мануфактуры во всех отношениях ея

свидетельствует, что она ныне возвышается и улучшается». ⁸⁸ Но вывод этот делал, исходя, опять же, из сбережения средств и наличия заказов. На самом деле предприятие оставалось убыточным.

В дальнейшем финансовые отчеты еще более усложнились, появились помесечные отчеты об обороте сумм и материалов, о кассе, о капиталах вообще. Генеральный счет и баланс об оборотах сумм дополнили ведомости о дебиторах и кредиторах по третям года. ⁸⁹ Общим в содержании отчетности XVIII и первой половины XIX века осталось то, что финансовое положение предприятия оценивалось с точки зрения стоимости и структуры затрат. Не рассчитывалась и не анализировалась себестоимость шпалер, не оценивалась рентабельность производства, что означало сохранение прежних отношений между государством и шпалерной мануфактурой и прежнюю же ориентацию на индивидуальный спрос, причем спрос конкретного заказчика – Императорского Двора. Фонды накопления и ассигнования на производство формировались государством, а не за счет прибыли.

Положение шпалерной мануфактуры 1837 года дало примерный расчет стоимости изделий: по-прежнему в нее входят стоимость материала и затраты на жалование мастеровых. По этой цене шпалеры передаются Двору с наложением 12 % на пенсионные суммы. Появляется и более современный, рыночный подход к расчету стоимости. Так, по частным заказам налагается еще 20 % на шпалеры и 10 % на наборные ковры. Это не что иное, как попытка включить в стоимость и предполагаемую прибыль, то есть сделать производство шпалер экономически более эффективным.

Положение регламентировало также порядок ведения бухгалтерской отчетности: «Все отчетные книги по мануфактуре ведутся на общих коммерческих правилах, по формам, от кабинета данным, с

надлежащую подробностью и точностью»⁹⁰. Структура отчетности предполагалась следующая: ежемесячные отчеты о денежных суммах и о производящихся работах; третные ведомости об оборотах, об изделиях, о припасах и материалах; годовой отчет об оборотах.

В условиях развития общероссийского рынка, однако, старые механизмы перестают работать. Когда встает вопрос о закрытии мануфактуры в середине XIX века, В. Шебуев предлагает Президенту Кабинета: «Что касается до успешного сбыта изделий, то есть ли Вашему Превосходительству благоугодно будет дозволить некоторые из старых готовых тканых изделий продать с аукционного торга, а из новейший лучших как то картины и коврики поместить в частные магазины или казенные лавки более посещаемые публикой, то чрез ее откроется больше способов ознакомить оную с мануфактурой и к ее произведениям и тем самым возбудить охоту к заказам».⁹¹ Это был в целом правильный путь, но предложение запоздало. Мода на гобелены прошла уже в первой трети XIX века, да и высокая цена делала их доступными исключительно для знати.

Что влияло на цену изделия шпалерной мануфактуры помимо учитываемых прямых затрат? Специфика производства, заключавшаяся в использовании ручного труда высокой квалификации, и, следовательно, особенности применения и потребления рабочей силы. Рабочая сила, или личный фактор производства, играет в производстве декоративно-прикладной роскоши решающую роль, поскольку только талант и мастерство превращают предмет утилитарный в произведение искусства, что является главным для декоративной роскоши.

Глава 4. Квалификация и производственная деятельность мастеров

Использование трудовых ресурсов на шпалерной мануфактуре регламентировалось штатами. Штаты – это акты хозяйственно-экономического значения, определявшие основную номенклатуру данного производства, необходимое количество рабочих и служащих, все расходы на их содержание и даже организацию производства.

В организационный период деятельности шпалерной мануфактуры отношения между мастерами и государством регламентировались контрактами, поскольку все они были иностранцами, нанятыми на службу правительством Петра I. Одна из основных задач, решаемых в то время, – это подготовка собственных кадров для шпалерного дела. Мы уже отмечали, что наличие учеников было обязательным условием для французов, ученики прикреплялись сразу же по приезду мастеров в Россию. Хотя качество обучения оставляло желать лучшего, дело двигалось и увольнение большинства французов в 1719-1720 годах, видимо, произошло не только в силу обременительности их содержания для казны, но и потому, что им уже была подготовлена замена. Русские ученики освоили азы производства шпалер и основные навыки.

В течение 1716-1723 годов идет процесс разработки штатного расписания, персонал шпалерной мануфактуры делится на следующие категории: управленческий, непосредственно связанный с производством и обслуживающий.

Управленческий персонал был представлен директором и комиссаром, о функциях которых уже было сказано ранее. Первым комиссаром шпалерной мануфактуры с 1715 года стал Максим Изедин, это штатная должность, за исполнение которой был положен оклад в 50 рублей 60 $\frac{1}{4}$ копеек, еще 120 рублей доплачивал комиссару Сенат, учитывая то, что в его руках находилось практически все руководство текущей деятельностью мануфактуры, финансовая отчетность и обеспечение порядка. С 1764 года финансовая деятельность сосредоточится в руках бухгалтера.

На придворных предприятиях использовался как вольнонаемный труд, так и крепостной, элементы принуждения наблюдаются, скажем, при прикреплении учеников к шпалерной мануфактуре, которым запрещалось её покидать. Деление на мастеров, подмастерьев и учеников являлось типичным для российской мануфактурной промышленности XVIII века. Сначала мастерами и подмастерьями были исключительно французы, с которыми работали русские ученики. К 1723 году их осталось 7 человек, еще 4 поступили в обучение в этом же году. В 1724 году к ним добавилось еще 10 человек, среди которых был Аким Старков, который впоследствии станет одним из самых известных русских шпалерщиков. В 1726 году появился еще один ученик и общее число их достигло 22 человек.⁹² Подготовка учеников должна была осуществляться в течение 5 лет, по истечении этого срока в декабре 1728 года Ф. Бегагель дал им аттестацию для Мануфактур-конторы. Мастер Бегагель сообщил, что истекли сроки, отпущенные ему по контракту для подготовки учеников и попросил Мануфактур-контору оценить качество их изделий, «по которым

можно видеть, что большая часть могут работать и без мастеров, без малу не во всех работах, а первые ученики уже давно могли бы то делать о чем свидетельствует аттестация».⁹³

В 1723 году по требованию Коммерц-коллегии комиссар М. Изединов опросил учеников на предмет того, что они умеют, выяснилось, что только в технике готлисс самостоятельно работают 18 учеников,⁹⁴ что было совсем неплохо. Именной список мастеров, подмастерьев, служителей шпалерной мануфактуры, начатый в 1724 году и заполнявшийся около трех десятилетий, позволяет узнать, кто, когда и с каким чином определен на службу, когда получил повышение. В списке фиксировался размер жалования и все его изменения. Так, в начале 30-х годов XVIII века Ф. Бегагелю повысили жалование до 950 рублей в год, И. Бурдейну в 1737 году стали платить 600 руб. в год.⁹⁵ Именной список дает важные сведения о том, как русские ученики становились мастерами шпалерного и красильного дела. Иван Кобылятников в 1733 году стал подмастерьем с окладом 60 рублей, в этом же году подмастерьем стал и Михаил Атманов. Аким Иванович Старков – специалист в технике баслисс – подмастерье с 1742 года с жалованием 72 рубля в год.⁹⁶

Для шпалерной мануфактуры, как для предприятия, выпускавшего декоративно-прикладную роскошь, художественное руководство имело огромное значение. Чтобы обеспечить его, 16 сентября 1723 года был принят на работу живописец Дмитрий Соловьев. Сначала ему платили по ассигнациям штатс-контор коллегии 75 рублей и 20 пудов хлеба в год, затем с 1725 года включили в штат мануфакту-

ры с окладом в 150 руб.⁹⁷ В 1733 году жалование живописца было увеличено до 200 рублей в год.

К обслуживающему персоналу относились солдаты, священнослужители, лекарский ученик, токарь, лесоруб и другие, не занятые непосредственно в процессе производства шпалер и обслуживающие либо мануфактуру, либо мастеровых и учеников. В правовых актах и документах XVIII-XIX веков категория обслуживающего персонала обозначалась термином «служители».

Первый штат шпалерной мануфактуры был составлен 26 ноября 1723 года и начал действовать с 1724 года. По нему нанимались лишь два мастера – красильный и шпалерный, два подмастерья, 19 шпалерных учеников и 4 красильных.⁹⁸

В 1732 году мастером оставался Филипп Бегагель с окладом 750 рублей в год. Шпалерными учениками были:

Иван Кобылятников,

Трофим Буйнаков,

Михаил Атманов все с окладом по 45 рублей,

Григорий Ефимов с окладом в 36 рублей,

Степан Шилнин,

Антон Афанасьев,

Иван Дмитриев – с окладом по 27 рублей,

Иван Богданов,

Алексей Филиппов,

Леонтий Назарев,

Авраам Артемьев,

Аким Старков,

Клим Крылов,
Алексей Плотников,
Сергей Климов,
Захар Максимов – с окладом по 24 рубля,
Герасим Давыдов,
Дмитрий Иванов,
Василий Жуков,
Никита Печатник,
Петр Горшков – с окладом по 21 рублю.

Мы не случайно перечислили шпалерных учеников поименно, они, безусловно, заслуживают этого, так как являлись первыми самостоятельно работавшими шпалерными мастерами, несмотря на статус учеников. Их судьба не была простой, за работу они получали мизерное жалование, во много раз меньше, чем французские мастера, которое к тому же нередко задерживали, и мастеровые вынуждены были подавать прошения о его выплате. Об их частной жизни практически ничего не известно, и только потускневшие полотна гобеленов и ковров свидетельствуют о высоком мастерстве и таланте русских шпалерных учеников. Уже первые шпалеры, сделанные ими, отличались красотой и своеобразием. Как писала Т. Н. Кречетова: «Для русских шпалер характерен интерес к реализму, который нашел выражение в той конкретности, с которой трактованы изображения».⁹⁹ Эта конкретность сочеталась с живописностью и декоративностью.

По штату 1732 года на шпалерной мануфактуре состояли также 7 красильных учеников с окладом от 15 до 36 рублей, в штат включены должности живописца и комиссара. Служители – 6 солдат, свя-

щенник, дьячок, пономарь, просвир.¹⁰⁰ На содержание всех состоящих в штате ежегодно уходило 1822 рублей 54 $\frac{1}{4}$ копеек.¹⁰¹ Двадцать лет спустя ситуация меняется незначительно, действует прежний штат, в который включаются по мере необходимости новые должности. Процесс изготовления шпалер возглавляет подмастерье Аким Старков, при мануфактуре состоят 28 шпалерных учеников, 3 – красильных, 1 – рисовальный. В штате уже два живописца: Андрей Соловьев и Михаил Афанасьев, кроме того, за мануфактурой числятся 5 служителей, капрал и 3 солдата. Общие расходы на годовое жалование за 20 лет колебались мало, в 1752 году они составили 1841 рубль.¹⁰² По требованию Елизаветы Петровны в 1748 году составляется проект нового штата шпалерной мануфактуры с целью экономии средств, но он так и остался на бумаге. В 1755 году советник Лобков принял шпалерную мануфактуру со старым штатом, на ней работало 42 человека.

Новый штат даровала Екатерина II в 1764 году (приложение 1), увеличив содержание шпалерной мануфактуры до 19010 руб. ежегодно.¹⁰³ О повышении окладов и штатном расписании свидетельствует таблица 1.¹⁰⁴

Таблица 1

Должность	Число людей	Жалование (общие затраты)
1	2	3
Директор	1	1500 р.
Директорский помощник и инспектор	1	800 р.
Секретарь	1	450 р.
Бухгалтер	1	250 р.

1	2	3
Комиссар	2	450 р.
Канцелярист	1	200 р.
Копиист	2	120 р.
Вахмистр	1	50 р.
Сторож	2	72 р.
Лекарь	1	400 р.
Мастера-красильщики	7	4930 р.
Ундер-мастера	14	2050 р.
Живописцы	4	600 р.
Подмастерья	26	1650 р.
Ученики	117	4212 р.
Капрал	1	40 р.
Истопник	1	36 р.
Швейцар	1	120 р.
Столяр	1	100 р.
Всего	185 чел.	18030 руб.

Последние две должности были включены в штат по распоряжению Н. И. Панина в бытность его директором-попечителем шпалерной мануфактуры. Граф Шувалов, возглавив мануфактуру, 20 апреля 1784 года внес изменения в штатное расписание, оставив 181 должность и сократив расходы на жалование до 15510 руб.¹⁰⁵ Восемь самых старых мастеров он отправил на пенсию.

В конце XVIII-первой половине XIX века штаты только сокращаются, причем в ущерб шпалерному производству. В. Шебуев, ставший директором в 1821 году, в донесениях Кабинету отмечал, что недостаток хороших специалистов и стал главной причиной того, что мануфактура перешла на производство ковров.¹⁰⁶

На протяжении всей истории существования шпалерной мануфактуры там действовала окладная система заработной платы, то есть

с фиксированным размером жалования, закрепленным штатом. Ученики обеспечивались провиантом за счет мануфактуры.

Наиболее общим показателем оценки экономической эффективности использования рабочей силы является производительность труда. Данные источников по шпалерной мануфактуре позволяют использовать лишь натуральный метод измерения производительности труда, то есть через объем произведенной продукции в натуральных единицах. Для примера возьмем один из периодов, когда мануфактура работала более-менее стабильно – 30-е годы XVIII века.

Шпалер делалось размером в квадратный аршин в месяц 4 человеками. Как показывают ведомости о сделанных шпалерах, представленные в Придворную контору в 1732-1746 годах, шпалера размером в 30-40 кв. аршин изготавливались от полугода до двух лет. Например, шпалера готлиссовой работы «на ней значит разные звери, птицы, рыбы и цветы» размером 35 кв. аршин 220 вершков начата в январе 1733 года, окончена в августе 1734 года.¹⁰⁷ Сложные, художественные сюжеты делали гораздо дольше: «шпалера готлиссовой работы на первой баталии турецкая с цесарцами» размером 6 кв. аршин 192 вершка начата в январе 1733 года и окончена в январе 1738 года.¹⁰⁸ Как показывают несложные расчеты, в месяц 4 мастера в среднем делали 0,52 кв. метров шпалер. Их низкая производительность сокращала и сдерживала отделку продукции красильными мастерами.

Через полвека мало что изменится. Как показывают отчёты, в работе на Императорской шпалерной мануфактуре в 1783 году находилось 16 картин, обои, рамы вышитые золотом и шелком. За первую треть года сделано в готлиссовом классе 53 кв. аршин 172 вершка, в

баслиссовом классе – 32 кв. аршина 112 вершков, в «савонери» – 86 кв. аршин 224 вершка. Всего 172 кв. аршина 252 вершка.¹⁰⁹ Среди начатых работ картина «с битыми птицами и оленями» размером 6 кв. аршин, ее делали с 15 июля 1776 года три человека и сделали к 1783 году 1 кв. аршин 22 вершка, обещая закончить в 2 года и 3 месяца. В баслиссовом классе одна из картин находилась в работе с 1772 года! Производительность труда оставалась по-прежнему крайне низкой. В 1783 году на мануфактуре трудилось, согласно ведомости чинов 11 мастеров красильщиков, 16 шпалерщиков, 35 подмастерьев, 65 ученика.¹¹⁰ На 126 человек, занятых в производстве шпалер, в месяц производилось 43, 25 кв. аршин гобеленового полотна в разных изделиях. В среднем это менее 0,18 кв. метра на 1 работающего!

Следует отметить, что при необходимости, когда требовалось правительству или императору, мастера могли резко увеличить темпы производства. Поясной портрет Екатерины II размером 1 аршин 5 вершков на 1 аршин 5 вершков в 1784 году закончили менее, чем за полгода. Также быстро сделали 26 ковров для покоев императрицы. Однако такие темпы – исключение, обычно шпалеры делались годами, что связано со спецификой их изготовления и трудоемкой технологией производства.

Техника ткания гобеленов не требует сложного оборудования, самые простые ткацкие станы использовались на протяжении всего периода существования мануфактуры. На стан натягивалась холщовая основа, на которую переводился при помощи прозрачной бумаги рисунок. Этот рисунок затем ткали шпалерные мастера нитками различных цветов, сохраняя тона картины. Для этого картон с рисунком

в натуральную величину размещался так, чтобы быть в поле зрения мастера.

Шпалеры, выполненные на станах, где основы вертикально натянуты на валы, параллельно закрепленные в стойках один над другим, получили название готлисс. Шпалеры в технике баслисс ткали на горизонтальных станах, где основа закреплялась на валы, расположенные параллельно в горизонтальной плоскости. В качестве основы использовали неокрашенные крученые в несколько нитей шерсть или лен, она наосновывалась на стане из расчета восемьдесят нитей на 1 см. Изображение передавалось переплетением особым образом нитей основы нитями утка. Название савонери относилось к тканым коврам с шелковым ворсом.

Делая выводы о специфике производства шпалер, можно отметить господство ручного труда в условиях примитивной ткацкой техники. Однако этот труд отличался высочайшим мастерством, художественным вкусом, большим терпением. Шпалеры требовали кропотливости и тщательности исполнения, поэтому делали их годами. Низкая производительность не позволяла использовать какие-либо формы оплаты кроме окладной. Оклад жалования определялся штатами, которые также регламентировали номенклатуру производства, количество занятых в нем и их должностные функции. По существу именно штаты регулировали отношения наемных работников и государства в условиях отсутствия норм трудового права.

Еще одной важной характеристикой деятельности шпалерной мануфактуры являются натурально-вещественные и финансовые результаты производства, которые можно представить в таблице 2:

Таблица 2

Натурально-вещественные и финансовые результаты деятельности шпалерной мануфактуры 1716-1832 гг.*

Годы	Количество шпалер	Общая стоимость	Ассигнования	Годовое жалование мастеровых и служащих	Затраты на сырье и материалы	Прочие издержки
1	2	3	4	5	6	7
1716-1724	34	-	-	-	-	-
1727	5	-	-	-	-	-
1728	24 (стуловых)	-	-	-	-	-
1732	11+6 (стуловых)	-	4000 р.	2304 р. 98 к.	546 р. 44 к.	3 р.
1733	1	-	4000 р.	3414 р. 71 3/4 к.	55 р. 83 к.	346 р. 54 к.
1734	9	-	4000 р.	3007 р. 90 2/3 к.	511 р. 42 1/2 к.	393 р. 18 1/4 к.
1735	4	-	7000 р.	4358 р. 29 1/3 к.	2130 р. 06 к.	750 р. 19 к.
1736	-	-	8000 р.	4016 р. 13 1/2 к.	3298 р. 74 1/2 к.	422 р. 15 к.
1737	6	-	8000 р.	4097 р. 22 2/3 к.	660 р. 36 к.	453 р. 83 1/4 к.
1738	5	-	5627 р.	3656 р. 99 1/6 к.	2260 р. 61 3/4 к.	440 р. 69 1/4 к.
1739	4	-	8300 р.	4288 р. 78 3/4 к.	88 р. 50 к.	331 р. 14 к.
1740	4	-	8300 р.	2814 р. 89 к.	1661 р. 17 1/2 к.	710 р. 3 1/2 к.
1741	9	-	-	4528 р. 56 1/6 к.	494 р. 62 3/4 к.	335 р. 78 1/2 к.
1742	3	-	8000 р.	3298 р. 77 к.	245 р. 69 к.	442 р. 79 1/2 к.
1743	5	-	11000 р.	3138 р. 73 2/3 к.	1288 р. 07 1/4 к.	436 р. 96 1/4 к.
1744	2+10 гербов	-		1859 р. 62 1/3 к.	1546 р. 74 1/2 к.	457 р. 82 1/2 к.
1745	5+13 столбов	-		3764 р. 95 1/2 к.	178 р. 31 к.	442 р. 6 к.
1746	5	-		1663 р. 23 3/4 к.	532 р. 64 к.	425 р. 44 к.
1748	48 стуловых + 4 кресельных	-	-	6897 р. 33 к.	-	-
1751	-	-	-	7020 р. 68 к.	-	-

1	2	3	4	5	6	7
1752	12	-	-	1741 р. 00 к.	-	-
1753-1773	Нет сведений					
1774-1783	26	-	-	-	-	-
1789	47, 77 ковров	-	-	-	-	-
1790-1821	Нет сведений					
1822	-	8048 р. 3 ¼ к.	59500 р.	37377 р. 22 ¼ к.	3895 р. 66 к.	11969 р. 54 к.
1823	2	824 р. 58 ½ к.	59500 р.	39276 р. 93 ¾ к.	5164 р. 86 к.	13476 р. 40 ¼ к.
1824	1	3981 р. 76 ¼ к.	59500 р.	40304 р. 82 ¼ к.	2783 р. 28 ½ к.	19137 р. 56 ¾ к.
1825	6	22996 р. 21 ½ к.	61000 р.	41339 р. 34 ¾ к.	13082 р. 82 ½ к.	12536 р. 53 ¾ к.
1826	5+11 гербов	-	-	-	-	-
1827	6	11965 р. 64 ½ к.	64500 р.	39358 р. 93 к.	3127 р. 61 ½ к.	13896 р. 36 к.
1828	1	5490 р. 94 ¾ к.	59500 р.	40170 р. 14 ½ к.	6418 р. 51 ¼ к.	13482 р. 16 к.
1829	2	11935 р. 20 ¾ к.	59500 р.	38303 р. 37 ¼ к.	3356 р. 16 ½ к.	9143 р. 21 ¼ к.
1830	10+2 стуловых	6720 р.	59500 р.	38115 р. 47 ½ к.	4225 р. 29 к.	12589 р. 98 ½ к.
1831	6+3000 кв. арш. обоев	10060 р. 64 ¾ к.	59500 р.	35704 р. 9 ½ к.	3341 р. 95 ¼ к.	13648 р. 39 ¼ к.
1832	11+7 гербов	10360 р. 13 ¼ к.	59500 р.	37393 р. 77 ½ к.	11369 р. 32 ½ к.	11397 р. 73 ¼ к.

*Составлено по материалам РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28945, 28982, 28975 – 28984, 28889, 28985, ф. 14, оп. 1, д. 118, ф. 294, оп. 2, д. 1508.

Как видно из таблицы 2, в первой половине XVIII века стоимость произведенных изделий не рассчитывалась и равнялась всем совокупным затратам на производство шпалер. Значительную часть этой суммы составляло жалование мастеровых и служителей. Качество шпалер уже тогда было довольно высоким: «В Санкт-Петербурге придворной шпалерной мануфактуре шпалеры делают с разными человеческими и звериными и протчими живописцами фигурами с живописных картин...».¹¹¹ С учетом больших расходов на оплату труда и высокую стоимость материалов, 1 кв. аршин гобеленов со всеми издержками в среднем обходился в 41 рубль 53 копейки.¹¹² Это, видимо, стоило того, так как современники отмечали: «Погрешности на них (шпалерах) не явны, могут употреблены быть без стыда».¹¹³

Отсутствие сведений о производстве за ряд лет может означать и то, что предприятие больше простаивало, чем работало. В целом развитие производства на шпалерной мануфактуре имело циклический характер, что означало смену периодов активной работы периодами простоя. Практически не работала мануфактура во второй половине 40-50 годов XVIII века. В 1826 году мануфактура стояла в связи с постройкой флигелей купцом Садковым. В 1829 году Шебуев сообщает Кабинету, что мануфактура опять стоит по случаю перестройки главного здания, но на 13 станах, временно устроенных в квартирах мастеровых, сделано 100 кв. аршин шпалер.¹¹⁴

Цикличность развития предприятия обусловлена индивидуальностью спроса на производимую продукцию. Ранее мы неоднократно писали, что практически единственным потребителем шпалер являлся Императорский Двор. В XIX веке появляются единичные заказы

знати, однако это не меняет индивидуального характера спроса. В результате шпалерная мануфактура стабильно работала только тогда, когда у царственных заказчиков существовала потребность в ее продукции.

Шпалер производилось очень мало, хотя сохранившиеся сведения полнотой не отличаются. Известно, что в 1760-1790-е годы мануфактура работала весьма активно, но данные этого периода отсутствуют, так как отчетность была утрачена из-за нерадивости архивариуса Есипова. В первой половине XIX века производство шпалер почти свернуто, делаются только наборные ковры, однако в отчетах об всей сделанной и проданной продукции за 1822-1833 годы ковры не значатся,¹¹⁵ хотя их явно производилось намного больше, чем шпалер.

Значительное число произведенных шпалер просто хранилось без применения и, следовательно, не показывалось в отчетах. В любом случае за 142 года существования шпалерной мануфактуры было изготовлено менее 600 гобеленов-картин, ковров «савонери», «столбов», которые вешались на стены, «гербов», шпалер для обтяжки стульев («стуловых») и кресел («кресельных»).

Организация производства, следовательно, относилась к единичному типу, то есть предполагала штучный выпуск изделий непостоянной и разнообразной номенклатуры ограниченного применения. Для предприятий такого типа как раз и характерны преобладание ручного труда, большая длительность производственного цикла, значительная величина незавершенного производства, высокая квалификация мастеров, огромные затраты живого труда. Все это мы наблюдаем на Императорской шпалерной мануфактуре.

Регулирование индивидуальным спросом и организация производства по единичному типу – основные экономические характеристики деятельности шпалерного предприятия. Они же характеризуют экономическую сторону производства роскоши в целом. К другим, специфическим чертам подобных предприятий относятся высокая стоимость изделий, или дороговстоимость.

В первой половине XVIII века дороговстоимость определялась огромными затратами на производство шпалер. В 60-70 годы этого же века начинают рассчитывать стоимость гобеленов, тех, которые делались не для Двора, а по заказам. Стоимость включала все прямые расходы на производство изделия вместе с суммами, идущими на увеличение материального капитала, в результате стоимость одного гобелена могла достичь нескольких тысяч рублей. В 20-е годы XIX века по предложению В. Шебуева проводятся аукционы по продаже изделий, которые в несколько раз повышают общую стоимость проданных вещей. Дороговстоимость обусловлена не только большой величиной затрат, на нее также влияли уникальность и художественная ценность изделия, гобелены шпалерной мануфактуры нередко представляли собой настоящие произведения искусства, благодаря исключительному мастерству исполнителей.

Как писала Т. Т. Коршунова: «Мастера шпалерного ткачества, максимально используя возможности нити и богатую красочную палитру, сумели создать яркие красочные шпалеры, отличающиеся запоминающимися характеристиками образов, стремлением передать гамму переживаний изображенных персонажей, мастерством в воспроизведении окружения, фона и великолепной разработкой дета-

лей».¹¹⁶ Шпалеры ни в коем случае не были вторичны по отношению к картинам, с которых они воспроизводились. Благодаря уникальной технике изготовления они становились самостоятельным явлением в декоративно – прикладном искусстве. Этим и объясняется интерес к производству шпалер со стороны монарших особ, поскольку экономической заинтересованности в развитии шпалерного дела просто не могло быть.

Убыточность предприятия была просто фантастической. Для примера можно взять данные по 1823 году – наименее удачному для мануфактуры в первой четверти XIX века и 1825 год – наиболее удачный. Чтобы оценить эффективность деятельности, используем простейшую формулу соотношения стоимости реализованной продукции и прямых затрат (сумма расходов на жалование, сырье и материалы и прочих издержек).

По 1823 году получаем следующий показатель $\frac{824 \text{ р. } 58 \text{ к.}}{57918 \text{ р. } 20 \text{ к.}} = 0,014$.

Это означает, что на каждый рубль вложенных средств получали менее 1 копейки стоимости готовой продукции. Убытки – 100 %.

По 1825 году показатели несколько лучше $\frac{22996 \text{ р. } 21 \text{ к.}}{66958 \text{ р. } 71 \text{ к.}} = 0,34$,

то есть на вложенный рубль получали 34 копейки продукции, убытки составляли 65 %. Таким образом, государство сознательно берет на себя бремя огромных расходов по содержанию шпалерной мануфактуры, которая явно не в состоянии даже окупить себя.

Зачем? Затем, что результатом производства является произведение декоративно-прикладного искусства, предмет роскоши, украшавший дворцы, символизировавший могущество империи и величие

ее правителей. Гобелены выполняли репрезентативные функции в повседневной жизни знати, особенно в условиях XVIII века, когда империя только оформилась, произошла консолидация правящего класса и появилась необходимость во внешней атрибутике, утверждавшей богатство и силу государства и дворянства. Декоративно-прикладная роскошь и была олицетворением этой силы, и правительство не жалеет средств на ее производство.

В первой половине XIX века ситуация изменилась, появились другие средства выражения могущества империи, меняется характер решения интерьера, да и просто шпалеры вышли из моды. Содержание шпалерной мануфактуры стало обременительным для казны. 1 июня 1858 года было объявлено об упразднении Императорской шпалерной мануфактуры, а в 1859 году завершена ее ликвидация.

Глава 5. Частные шпалерные предприятия: создание и становление

Основанием для учреждения частных шпалерных мануфактур стал регламент Мануфактур-коллегии, учрежденный «к производству и умножению мануфактур и фабрик» 3 декабря 1723 года. «Понеже Его Императорское величество прилежное старание имеет о распространении в Империи Российской, к пользе общего блага и пожитку подданных, дабы учредить разныя мануфактуры и фабрики, какия в других государствах находятся, и всемилостивейше повелевает Мануфактур-коллегии прилежное о том старание иметь, каким бы образом вновь такия и иныя куриозные художества в Империю Российскую вводить, а особливо такия, для которых материалы в Российской Империи найтись могут безубыточнее ввести и распространить возможно, и тех людей, которые мануфактуры и фабрики производить походя, надлежащими привилегиями снабдить».¹¹⁷ Регламент давал право любому человеку «какоб чина и достоинства кто не был, во всех местах, где за благо обрящет, мануфактуры и фабрики заводить».¹¹⁸

Правительство Петра I ставило целью масштабное развитие промышленного производства в России, причем в первую очередь развивали как стратегически важные отрасли, так и те, которые были новыми, ранее не существовавшими. Владельцы таких предприятий получали право беспошлинной продажи товаров и покупки сырья в первые годы существования мануфактуры, право найма работных людей в соответствии с действующими в России законами. «Добрые и искусные мастера» обязательно должны были иметь русских уче-

ников «дабы сделанные вещи Российским мануфактурам и фабрикам могли славу принести»¹¹⁹.

Среди особых прав предусматривалась также возможность покупки деревень и крестьян к мануфактурам. Если предприятие учреждалось для производства товаров, которых ранее в России не было, владелец его мог рассчитывать на получение исключительной привилегии, то есть права монопольного производства, но только в том случае, если изготовленных вещей было достаточно для удовлетворения спроса на них.

Местные органы власти должны были оказывать содействие владельцам новых предприятий: «Во всех Губерниях и Провинциях по пожалованным от его Императорского Величества привилегиям к производству мануфактур и фабрик, чинить всякое исправление и вспоможение, дабы и другие видя Его Величества к ним милость всяких чинов и народов люди с вящщею охотою и безопасно в компании вступали».¹²⁰

Многочисленные льготы и привилегии, предоставляемые российским правительством, действительно способствовали приезду иностранных ремесленников в Россию «с вящщею охотою». Причем приезжали они не только по приглашению правительства, но и самостоятельно. Регламент Мануфактур-коллегии последним предоставлял определенные гарантии, закрепленные в пункте 23: свободный проезд и выезд; беспошлинная продажа товаров в течение первых лет; беспошлинная покупка сырья и материалов как в России, так и за границей; обеспечение квартирами; освобождение от всех служб и поборов; покровительство Мануфактур-коллегии; денежные ссуды и

ассигнования из казны «к начальному производству оных мануфактур и фабрик». Среди прочих ремесленников в Россию приехали и шпалерщики.

Частные шпалерные фабрики, возникшие в России в середине XVIII века, производили прежде всего тканые гобеленовые обои и столбы, хотя в единичном экземпляре на заказ делались и художественные произведения – ковры и гобеленовые картины.

Две самые известные шпалерные мануфактуры Мартина Ботлера и Иоганна Фридриха Лемана возникли в 50-е годы XVIII века. Вероятно, это связано с тем, что в 1753-1755 годах Елизавета Петровна была вынуждена заняться делами Императорской шпалерной мануфактуры, что привлекло ее внимание к этому ремеслу в целом. Императрица сделала заказ на шпалеры для Зимнего дворца, таким образом, появилась надежда на расширение круга заказчиков гобеленов, что, в свою очередь, и активизировало деятельность мелких производителей.

Весной 1755 года английский купец Мартин Ботлер обратился к императрице с предложением открыть в Москве шпалерную фабрику. После того, как сенату были отданы соответствующие распоряжения, принимается указ от 21 марта 1755 года «О предоставлении английскому фабриканту Мартыну Ботлеру на десять лет исключительного права делать в России шпалеры». Англичанин получил привилегию на десятилетний срок на производство обойных шпалер, ему предписывалось «шпалеры всяких сортов делать самым добрым мастерством».¹²¹

В мае этого же года Мануфактур-коллегии императрицей поручено изучить вопрос о необходимости введения заградительных таможенных пошлин на шпалеры «ввозные из-за моря», для чего собрать сведения о производительности шпалерной мануфактуры Ботлера и проанализировать, удовлетворяет ли его продукция существующий спрос на нее.¹²² Дело в том, что Ботлер настаивал на предоставлении ему монопольного права на производство гобеленовых обоев, усматривая в этом гарантию получения прибыли. Российское правительство решило вопрос в пользу мануфактуриста. 14 августа 1755 года сенатским указом подтверждается запрещение делать шпалеры кому-либо до истечения срока привилегии купца Ботлера. Запрещалось делать такие же, как у него сорта шпалер. За нарушение этого указа предусматривалось наказание в виде штрафа и конфискации неуказной продукции.¹²³ В сентябре этого же года в отношении мануфактуры Мартина Ботлера были закреплены и протекционистские меры, которых он так добивался. На основании указа Петра I от 6 ноября 1723 года о защите внутреннего товаропроизводителя и 32 пункта соответствующей инструкции Коммерц-коллегии был принят указ Сената «О наложении на привозимые из-за моря шпалеры пошлины, равной с объявляемою ценою тех шпалер».¹²⁴ Теперь стоимость привозных шпалер удваивалась, что делало их менее конкурентоспособными, по мнению Ботлера. Однако его расчет не вполне оправдался: для потребителя декоративно-прикладной роскоши имели значение высокое качество и художественная ценность вещи, а не цена.

Шпалеры предназначались людям небедным, способным приобрести и более дорогие заграничные гобелены. Качество же шпалер Ботлера скорее всего было невысоко. Описание их не дается ни в одном из источников, видимо, речь идет о самых простых тканых гобеленах с повторяющимся мотивом, которые служили для декорирования стен и мебели. Правительство было не слишком довольно изделиями мануфактуры Ботлера. Сохранился указ Мануфактур-коллегии от 27 марта 1761 года, в котором отмечается, что присланные образцы «против прежде подаваемых от тебя в коллегию образцов явились хуже» и коллегия требует «шпалеры делать хорошей доброты».¹²⁵ Претензии к качеству изделий Ботлера заставили российское самодержавие отказаться от предоставленной ему привилегии, дать разрешение на открытие и других шпалерных заведений.

В 1758 году Сенат рассматривал просьбу уроженца Гамбурга Иоганна Лемана, который изъявил желание «завести шпалерную фабрику совсем новой инвенции наподобие вышивной работы»¹²⁶ и обязался обучить мастерству в течение семи лет 10 учеников. Сенат дал разрешение в силу регламента Мануфактур-коллегии. Леман просил также выдать ему из казны 500 рублей, чтобы выписать из Саксонии мастеров и закупить сырье, а по прибытии мастеров – выделить еще 200 рублей на «заведение фабрики». За это он обязался сделать 200 локтей гобеленовых тканей шириной в локоть, богато украшенных, или 400 локтей ткани с рисунком попроще. Леман рассчитывал декорировать дворцовые покои и обещал в год изготавливать столько гобеленов, чтобы хватило для украшения одной комнаты дворца полностью. Учитывая, что производительность Императорской шпалер-

ной мануфактуры была довольно низкой, Леман должен был составить ей серьезную конкуренцию, и Сенат просил Елизавету указать, какие еще нужны гобелены для Императорского Двора.¹²⁷

4 августа 1758 года был издан указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Правительствующего Сената Мануфактур-конторе: «По данным в Правительствующий Сенат приехавший сюда из Гамбурга саксонской уроженец Яган Фридрих Леман фабрикант обоев новой инвенции, каковой при нем и пробы имеется кондициями объявлял, что желает он здесь в Санкт-Петербурге завести живописную шпалерную фабрику совсем новой инвенции которой многим еще превосходится. Також и другие богатые обои, живописные украшения на кареты и прочее. И на заведение тоя фабрики выдать тысячу рублей». ¹²⁸ По этому указу учреждалась мануфактура Лемана.

Российское правительство выделяло средства на развитие производства всем приезжавшим в Россию иностранцам на постоянное жительство для организации какого-либо предприятия. Практика эта была закреплена тем же регламентом Мануфактур-коллегии 1723 года, в котором говорилось: «Выехавшим из разныя других государств всяких художеств мастеровым людям, к начальному произведению мануфактур и фабрик учинено будет вспоможение из казны Его Императорского Величества денежной суммой, по состоянию каждой фабрики или мануфактуры с заплатаю в уроченные лета». ¹²⁹

Требования Лемана к российскому правительству довольно традиционны: привилегия на 12 лет и запрет другим ремесленникам заводить мануфактуры, аналогичные его, особенно жесткий запрет на

заведение шпалерных предприятий – для его учеников. Иоганн Леман взял в обучение 10 человек в возрасте от 12 до 15 лет и требовал в течение семилетнего срока обучения платить ему по 200 рублей за каждого ученика ежегодно, так как он содержит их «на своем коште» (то есть, за свой счет). При этом Леман настаивал, чтобы по завершении обучения они остались работать на его фабрике, а самостоятельная работа была бы запрещена им на 25 лет.

Таким же образом относился к ученикам и Мартин Ботлер. 28 июня 1762 года он подал прошение на имя императора Петра III, в котором жаловался на то, что его ученики открывают мануфактуры, где шпалеры «делают худую работой и продают по городам» по низким ценам, отчего фабрика Ботлера терпела убытки.¹³⁰ Ботлер просил, чтобы Сенат повелевал Мануфактур-коллегии штрафовать всех, кто делает шпалеры «без указа» и запретить им продавать свою продукцию на Макарьевской и прочих ярмарках. Решения по этому прошению принято так и не было, поскольку императора свергли в то же день. Сенат ограничился справкой из Мануфактур-коллегии, что за неуказное производство наказывают по указу от 14 августа 1755 года штрафом: 20 рублей – в первый раз, 100 рублей – за вторичное нарушение¹³¹ и решил, что нет нужды налагать отдельный запрет на учеников Ботлера.

Иностранные ремесленники в отношении своих учеников хотели сохранить традиции европейского цехового ремесла, которое запрещало производство без разрешения мастера. Получая значительные привилегии от российского правительства, иностранцы видели в учениках конкурентов, угрожавших их предприятиям и доходам. И

без того, находясь в максимально благоприятных условиях, приезжие мастера продолжали настаивать на предоставлении им прав на монопольное производство. В 1760 году М. Ботлер добился от Сената повторного закрепления за ним привилегии еще на 10 лет, с 1761 года. Сенат пошел на это, учитывая старания англичанина в производстве качественных и недорогих шпалер как в России, так и на экспорт, и обязал московских купцов дать подписку, что они не будут производить шпалеры, аналогичные тем, что у Ботлера, под угрозой конфискации материалов и инструментов и штрафа.¹³²

Интересно, что именно за предприятиями, производившими декоративно-прикладную роскошь, чаще всего закреплялась определенная монополия. Это было необходимо для того, чтобы в условиях очень ограниченного спроса и крайне узкого рынка сбыта роскоши, подобные фабрики могли развиваться. Иностранцы, приезжавшие в Россию, не случайно выпрашивали у правительства право исключительного производства своей продукции, понимая, что только монопольное положение на рынке может гарантировать прибыль. Однако, как мы уже отметили выше, знать, которая являлась потребителем роскоши, ориентировалась на качество, редкость, художественную ценность изделий и стремилась к тому, чтобы и на рынке роскоши был выбор, хотя бы между отечественными производителями. Развитие товарно-денежных отношений в стране также требовало снятия ограничений на торговую и мануфактурно-ремесленную деятельность. Свобода предпринимательства проникала и в сферу производства декоративно-прикладной роскоши, и 18 февраля 1763 года Екатерина II сенатским указом «О предоставлении свободы каждому за-

водить сусальные и шпалерные фабрики»¹³³ позволила делать тканые и бумажные шпалеры «всем кто пожелает безпрепятственно». Все привилегии в этой сфере упразднились. Единственное требование правительства – изделия должны быть надлежащего качества и их мог выпускать любой пожелавший.

Привилегии, протекционизм, ссуды – это далеко не полный перечень льгот, предоставляемых российским правительством иностранным шпалерникам. И Ботлер, и Леман получили средства на приобретение зданий для своих фабрик. Леман по приезду в Россию просил выделить ему помещение, чтобы быстрее начать работу. Для этого ему дали в помощь архитектора Виста, вместе с которым он осматривал здания в ведомстве Мануфактур-коллегии. В результате был выбран дом, ранее принадлежащий графу Михаилу Головину на 9 линии Васильевского острова.¹³⁴ Здание было перестроено и отремонтировано за счет государства, сметная стоимость ремонта составила 3571 рубль 80 копеек. Подрядчиком на починку стал крестьянин деревни Рябницы Ярославской губернии Алексей Алядин.¹³⁵ Именными указами дом Иоганну Леману был дарован 25 января 1760 года.¹³⁶ Однако три года спустя по именному указу Екатерины II здание было возвращено графине Головиной, и Леман вновь обращается с челобитной к императрице. Он пишет, что фабрика его работает исправно, что он, как и обещал, имеет 10 учеников, следовательно, со своей стороны обязательства по отношению к России выполняет. Также он сообщает, что здание, отобранное у него, содержал сам и вложил в него много средств, хотя никаких подтверждающих это документов Леман не предъявил. По-видимому, последний аргумент, по

мнению Лемана, должен был склонить императрицу на его сторону. Он просит: «И дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было вместо...Головиной дома для произведения живописного шпалерного мастерства фабрики из высокоmaterного Вашего Императорского Величества всемилостевише пожаловать мне другой дом или на покупку одного выдать мне из казны...пять тысяч рублей».¹³⁷ Особенно не стесняясь, Леман просит компенсировать ему утрату здания, даже не упоминая о том, что получил его бесплатно и ремонт был сделан за счет государства. Причем подрядчик Алядин отремонтировал здание даже дешевле, чем предполагалось: он взял за работу 2548 рублей.¹³⁸ Леман же настаивал на том, что он нес расходы по содержанию дома и требовал за это 5000 рублей, которые и получил по указу от 18 мая 1764 года.¹³⁹ Именно потому, что правительство удовлетворяло даже самые непомерные требования иностранных мануфактуристов, они просили для себя еще более значительных льгот и уступок. Российское же правительство, руководствуясь целью развития промышленности, соглашалось на предоставление иностранцам дополнительных привилегий.

Передача помещений для фабрик или выдача ссуд на их приобретение и реконструкцию были такими дополнительными привилегиями, поскольку Регламент Мануфактур-коллегии предусматривал лишь обеспечение жильем. Средства на приобретение здания для мануфактуры получил и Ботлер. Его заведение находилось в Москве в собственном доме за Тверскими воротами в приходе церкви Пимена Чудотворца. Она представляла собой комплекс, включавший две ка-

менные кладовые, три деревянные мастерские, каменную контору и живописную мастерскую «к деланию оных шпалер рисунки».¹⁴⁰

Что касается производительности фабрик Лемана и Ботлера, то сведения сохранились только о последней. О деятельности Иоганна Лемана судить трудно, поскольку в документах нет ведомостей или каких-либо других документов, свидетельствующих о том, что его мануфактура заработала. Он, по всей видимости, многого требовал, но дело наладить так и не сумел. 28 августа 1768 года пришло сообщение в Мануфактур-коллегию о смерти Лемана в доме живописца Иоганна Рудольфа. Следствие по этому делу показало, что у шпалерника имущества почти нет, а мануфактура даже и не упоминается. У него осталось много долгов, а ученики ничего не знали и не умели.¹⁴¹ То ли Леман был авантюристом, то ли ему просто не везло, но стабильно работавшего предприятия он так и не создал.

Напротив, Мартин Ботлер с 1755 года наладил производство шпалер суконных с золотом и холщовых, которое продолжалось до начала 60-х годов XVIII века. С 1758 года начинается выпуск ситцев, на изготовление которых вместе с сукном мануфактура Ботлера переходит с начала 70-х годов XVIII века полностью.

Производительность фабрики Ботлера в 50-60 годы XVIII века показывает следующая таблица, которая составлена по отчетам, ежегодно направлявшимся в Мануфактур-коллегию.

**Состояние московской шпалерной мануфактуры Мартина Ботлера
за 1754-1768 годы (данные Мануфактур-коллегии)***

Год	Сколько сделано кусков		Сколько продано кусков		Продано в % от общего числа
	штук	цена, руб.	штук	цена, руб.	%
1754	27100	29950	15200	15000	56%
1755	Нет сведений				
1756	21650	18650	11850	9880	55%
1757	26990	20500	16770	11985	62%
1758	31100	27400	13250	9350	43%
1759	49300	б/цены	12550	б/цены	25,5%
1760	16664	б/цены	7263	б/цены	43,5%
1761	45500	23730	18200	10446	40%
1762	26300	16900	10673	6361,75	40,5%
1763-1764	Нет сведений				
1765	30	90	30	90	100%
1766	520	685	520	685	100%
1767	Нет сведений				
1768	1470	3525	1070	277,5	73%
Всего	246624	138257,5	107376	64048,25	43,5%

* РГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 910, л. 1, 4об, 5, 6об, 7об, 8об, 13, 13об, 14, д. 911, л. 1-3.

Данные, к сожалению, неполные, отсутствуют сведения за 1755 и 1767 годы, по 1759-1760 годам не посчитана стоимость изделий. Производились, судя по отчетам, почти исключительно гобеленовые обои и штофы с рисунком, иногда с золотыми и серебряными нитями. Размеры кусков не указывались, только средняя цена за кусок – 90-95 копеек, и этих сведений недостаточно, чтобы сделать выводы о качестве изделий. Отчеты показывают, что мануфактура Ботлера довольно стабильно работала до 1762 года. Увеличение производства в 1759 году и в 1761 году связано с началом выпуска дешевого обивочного ситца. Это была попытка повысить прибыльность предприятия. Несмотря на то, что на короткое время производство выросло в 1,5 раза,

на стоимости изделий это почти не отразилось, не выросли и объемы продаж. Последнее свидетельствует о том, что надежды, которые Ботлер связывал с переориентацией на выпуск дешевой продукции, не оправдались.

Отсутствие сведений за 1763-1764 годы связано с остановкой предприятия, вызванной смертью Мартина Ботлера, что чрезвычайно сильно ударило по производству. В 1765-1766 годах выпуск изделий был минимален, выполнялся только по индивидуальным заказам. Сын Мартина – Иван, видимо, не справился с управлением. В 1765 году в отчете для Мануфактур-коллегии он отмечал крайнее разорение фабрики после смерти отца, а главной причиной считал невозможность конкурировать с «безуказными такими фабриками».¹⁴² Только с 1768 года начался медленный подъем производства, но фабрика перешла на изготовление простых тканых обоев и штофов, о чем свидетельствуют ведомости с 1770 года.¹⁴³

Возвращаясь к вопросу о качестве изделий мануфактуры Ботлера, следует отметить, во-первых, мнение российского правительства, которое, несмотря на некоторые претензии к англичанину, все же указывало на хорошее качество шпалер, подтверждая его привилегии.

Во-вторых, стоит проанализировать соотношение проданных и изготовленных кусков гобеленовых обоев. В среднем 40-45 % изделий продавалось в течение года, причем резкое снижение продаж наблюдается только в 1759 году. Это связано с увеличением производства за счет ситца, так как количество проданных кусков по сравнению с предшествующим периодом уменьшилось незначительно. Средний показатель продаж за 1754-1762 годы 13219,5 кусков в год,

из чего следует, что сформировался свой сектор рынка, где был налажен устойчивый сбыт изделий, хотя значительным спрос на шпалеры Ботлера не назовешь. Потребителя, по-видимому, качество гобеленов устраивало, но тот факт, что спрос годами не увеличивался, свидетельствует о том, что, удовлетворявшись привилегиями, Ботлер ничего не делал для повышения качества своих изделий. Последнее стало одной из основных причин кризиса, переживаемого мануфактурой в середине 60-х годов XVIII века и, в конечном итоге, привело к отказу от производства шпалер.

Деятельность частных шпалерных мануфактур в России оказалась не слишком удачной, несмотря на многочисленные привилегии, предоставляемые правительством по силе Регламента Мануфактур-коллегии 1723 года. Это и ссуды, даваемые на льготных условиях, и помещения для мастеровых и мануфактур. Иностранцы получали право монопольного производства своих изделий на определенный срок, в отношении их предприятий осуществлялись протекционистские меры, такие, как повышение таможенных пошлин на ввозные шпалеры в 1755 году. Почему же мануфактуры Лемана и Ботлера не смогли превратиться в стабильно работающие предприятия? Причин здесь несколько. Прежде всего – недостатки в организации работы самих мануфактур. Как Ботлер, так и Леман не были готовы развивать и улучшать качество своих изделий, рассчитывая лишь на монопольное, привилегированное положение на рынке. Между тем круг потребителей декоративных тканей был довольно узок, и они предъявляли высокие требования как к качеству, так и к художественным достоинствам гобеленов. Этими потребителями были дворяне, вер-

хушка городского населения, то есть те, кого не могло ограниченное предложение на внутреннем рынке заставить покупать то, что не нравится. Они могли позволить себе привозить из-за границы предметы роскоши. Более демократические слои потребителей покупали дешевые изделия «неуказных» фабрик. В этих условиях Ботлер и Леман не сумели понять потребности рынка и приспособиться к нему, им казалось, что достаточно добиться от государства закрытия «неуказных» предприятий и их положение сразу изменится к лучшему. Этого, однако, так и не произошло. Развитие товарно-денежных отношений требовало свободы предпринимательства, и в 1763 году Екатерина II отменила привилегии на шпалерное производство. Мануфактура Лемана закрылась еще раньше, фабрика Ботлера была перепрофилирована.

Заключение

Производство шпалер возникло в России в первой четверти XVIII века для обслуживания потребностей Императорского Двора и просуществовало чуть больше ста лет. Отрасль эта была представлена Императорской шпалерной мануфактурой и несколькими частными предприятиями.

Императорская шпалерная мануфактура создавалась с 1716 года с участием специально приглашенных французских мастеров. На протяжении всей истории ее существования управление мануфактурой отличалось дуализмом: с одной стороны – придворные ведомства, с другой – учреждения, под контролем которых находились промышленность и торговля. В 1762 году создается Контора Императорской шпалерной мануфактуры. Положение о мануфактуре 1837 года окончательно закрепляло ее подведомственность Кабинету Его Императорского Величества, так как система двойного подчинения в управлении предприятием не дала хороших результатов.

Специфика управления объяснялась тем, что шпалерная мануфактура должна была обслуживать престижное потребление российского самодержавия и считалась собственностью правящей династии, но при этом ее пытались вписать и в существующую систему управления хозяйством, чтобы решить вопросы финансирования, обеспечения сырьем и рабочими руками.

Содержание шпалерной мануфактуры взяло на себя государство. Поначалу вопрос о возможности получения прибыли даже не ставился. Трудоемкое, дорогое, с длительным производственным циклом специфическое производство гобеленов тяжким бременем лежало на

бюджете страны. Даже бухгалтерская отчетность должна была в первую очередь показать структуру и размер затрат, которые шли на финансирование предприятий.

Шпалеры делали на протяжении нескольких лет, организация производства относилась к единичному типу. Это штучный выпуск изделий непостоянной и разнообразной номенклатуры ограниченного применения. Результатом производства нередко были настоящие произведения ткацкого искусства, свидетельствующие о высоком таланте русских мастеров.

Частные шпалерные предприятия, несмотря на предоставление им исключительных привилегий на производство гобеленовых обоев, столбов, обивочных тканей, просуществовали недолго. Дорогое, малоприбыльное дело не оправдывало надежд частных фабрикантов, и они были вынуждены либо закрывать, либо перепрофилировать свои мануфактуры. В связи с убыточностью в 1859 году был закрыта и Императорская шпалерная мануфактура.

Тем не менее недолгое производство гобеленов в России оставило заметный след в истории декоративно-прикладного искусства нашей страны. Русские мастера научились создавать великолепные тканые картины, отличающиеся реализмом, яркостью красок и сложностью сюжетов, которые и сегодня радуют нас в музеях России.

Примечания

- ¹ Спилиоти, Н. Императорская шпалерная мануфактура / Н. Спилиоти // Художественные сокровища России.- 1903.- № 4-8. – С. 231-250.
- ² Трутовский, В. Русский гобелен в Московской оружейной палате / В. Трутовский// Старые годы. – 1907. – № 7-9. – С. 298-308.
- ³ Кречетова, Т. Н. Шпалеры // Русское декоративное искусство. XVIII век / Т. Н. Кречетова. – Т. 2. – М., 1963. – С. 315-326.
- ⁴ Соловьев, Н. Н. Очерки по истории украшения тканей / Н. Н. Соловьев. – М.-Л., 1934.
- ⁵ Русские шпалеры. Петербургская шпалерная мануфактура. – Л., 1975.
- ⁶ Спилиоти, Н. Указ. соч. – С. 231.
- ⁷ РГАДА, ф. 9, оп. 3, кн. 24, 27, 32, 34-36, 40, 43, 44; оп. 4, кн. 54, 63, 67, 72, 89.
- ⁸ Спилиоти Н. Указ. соч. – С. 232.
- ⁹ РГАДА, ф. 9, оп. 3, кн. 24, л. 7, 78-80.
- ¹⁰ РГАДА, ф. 9, оп. 3, кн. 27, л. 871.
- ¹¹ РГАДА, ф. 150, оп. 250, д. 3, л. 10; ф. 9, оп. 3, кн. 27, л. 874-875.
- ¹² Русские шпалеры. – С. 8.
- ¹³ РГАДА, ф. 150, оп. 250, д. 16, л. 7-7 об, 11, 16; ф. 9, оп. 3, кн. 34, л. 548.
- ¹⁴ РГАДА, ф. 9, оп. 3, кн. 36, л. 599.
- ¹⁵ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, и. 59, д. 28865, л. 2-3.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ РГАДА, ф. 9, оп. 3, кн. 44, л. 130.

-
- ¹⁹ РГАДА, ф. 9, оп. 3, кн. 36, л. 623.
- ²⁰ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 10-13об.
- ²¹ Там же, л. 13 об.
- ²² РГАДА, ф. 9, оп. 3, кн. 40, л. 933.
- ²³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, и. 59, д. 28865, л. 1-1об.
- ²⁴ ПСЗ – I. – Т. V. – № 3053. – С. 482-483.
- ²⁵ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 41-42.
- ²⁶ РГАДА, ф. 9, оп. 4, кн. 67, л. 704.
- ²⁷ Русские шпалеры. – С. 10.
- ²⁸ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1507, л. 122об.
- ²⁹ РГАДА, ф. 9, оп. 4, кн. 63, л. 904-905об.
- ³⁰ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 112-114.
- ³¹ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 41-42.
- ³² РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 42.
- ³³ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 112-114.
- ³⁴ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1507, л. 44.
- ³⁵ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1507, л. 46-47.
- ³⁶ Там же, л. 52-54.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же
- ³⁹ Там же, л. 162.
- ⁴⁰ Там же, л. 239.
- ⁴¹ РГАДА, ф. 9, оп. 4, ч.1, кн.53, л. 51-52.
- ⁴² Спилюоти Н. Указ. соч. – С. 232.
- ⁴³ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 470.
- ⁴⁴ Там же, л. 476.

-
- ⁴⁵ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1507, л. 162.
- ⁴⁶ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 268.
- ⁴⁷ Там же, л. 486-506.
- ⁴⁸ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28885, л. 1.
- ⁴⁹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28932, л. 1-2.
- ⁵⁰ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28931.
- ⁵¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28946, л. 1-2.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 118, л. 2.
- ⁵⁴ Там же. – л. 3об.
- ⁵⁵ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28913, л. 1-2.
- ⁵⁶ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 118, л. 22об.
- ⁵⁷ ПСЗ – I. – Т. XIV. – № 10348. – С. 295.
- ⁵⁸ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28870, л. 1 – 8.
- ⁵⁹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28953, л. 1об.
- ⁶⁰ Там же. – л. 2.
- ⁶¹ ПСЗ – I. – Т. XIV. – № 11469.
- ⁶² РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28972, л. 1-1об.
- ⁶³ ПСЗ – I. – Т. XV – № 12034. – С. 903.
- ⁶⁴ ПСЗ – I. – Т. XXI – № 15711. – С. 900.
- ⁶⁵ ПСЗ – I. – Т. XXIII – № 16764. – С. 27.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 14. – оп. 1, д. 118, л. 246.
- ⁶⁷ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28972, л. 1-1об.
- ⁶⁸ РГИА, ф. 468, оп. 10, д. 68, л. 12об.
- ⁶⁹ ПСЗ – II. – Т. XII – № 9928.
- ⁷⁰ Там же. – С. 80

-
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ РГИА, ф. 468, оп. 12, д. 1102, л. 3-10об.
- ⁷⁴ Спилюоти Н. Указ соч. – С. 249.
- ⁷⁵ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1519, л. 9об.
- ⁷⁶ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1531, л. 1.
- ⁷⁷ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 181.
- ⁷⁸ Там же, л. 232-232 об.
- ⁷⁹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28913, л. 1-2 .
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 118, л. 13-16об.
- ⁸² Там же, л. 65.
- ⁸³ Там же, л. 205.
- ⁸⁴ Там же, л. 87.
- ⁸⁵ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28975.
- ⁸⁶ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28980.
- ⁸⁷ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28985, л. 15-23 .
- ⁸⁸ Там же, л. 16.
- ⁸⁹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28988.
- ⁹⁰ ПСЗ – I. – Т. XII – № 9928. – С. 86.
- ⁹¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28982. л. 2.
- ⁹² РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1507, л. 122об.
- ⁹³ Там же, л. 124.
- ⁹⁴ Там же, л. 186.
- ⁹⁵ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28868.
- ⁹⁶ Там же.

-
- ⁹⁷ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1507, л. 238.
- ⁹⁸ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 42.
- ⁹⁹ Кречетова, Т. Н. Указ. соч. – С. 325.
- ¹⁰⁰ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1508, л. 504-506.
- ¹⁰¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28875, л. 1 об.
- ¹⁰² РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28946, л. 3-4.
- ¹⁰³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28985, л. 15 об.
- ¹⁰⁴ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 118, л. 89.
- ¹⁰⁵ Там же, л. 84.
- ¹⁰⁶ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28982, л. 2.
- ¹⁰⁷ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28888, л. 3.
- ¹⁰⁸ Там же, л. 4.
- ¹⁰⁹ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 118, л. 83об – 85.
- ¹¹⁰ Там же, л. 89.
- ¹¹¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28888, л. 2.
- ¹¹² Там же, л. 1об.
- ¹¹³ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 118, л. 22.
- ¹¹⁴ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28981, л. 1об.
- ¹¹⁵ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 59, д. 28985, л. 19-22об.
- ¹¹⁶ Русские шпалеры.- С.29
- ¹¹⁷ ПСЗ-1.-Т.VII.-№ 4378.-С. 169.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же. – С. 170
- ¹²⁰ Там же. – С. 171
- ¹²¹ ПСЗ – I. – Т. XIV – № 10376. – С. 334-335.
- ¹²² РГАДА, ф. 277, оп.15, д. 30, л 1 – 1об

-
- ¹²³ ПСЗ – I. – Т. XIV – № 10445.
- ¹²⁴ ПСЗ – I. – Т. XIV – № 10465.
- ¹²⁵ РГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 910, л. 11.
- ¹²⁶ РГАДА, ф. 14, оп.1, д. 118, л. 60.
- ¹²⁷ Там же. – л. 60 об.
- ¹²⁸ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 15, л. 1 – 1об.
- ¹²⁹ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1511, л. 7 – 7об.
- ¹³⁰ РГАДА, ф. 277, оп. 15, д. 202, л. 1.
- ¹³¹ Там же. – л. 4.
- ¹³² ПСЗ-1.-Т.XV.-№ 11080.
- ¹³³ ПСЗ-1.-Т.XVI.-№ 11761.
- ¹³⁴ РГАДА, ф. 294, оп.2, д. 15, л. 3.
- ¹³⁵ Там же. – л. 39
- ¹³⁶ Там же. – л. 99.
- ¹³⁷ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1511, л. 2об.
- ¹³⁸ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 15, л. 39.
- ¹³⁹ Там же. – д. 1511, л. 3.
- ¹⁴⁰ РГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 911, л. 1.
- ¹⁴¹ РГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 1511, л. 15., 28-29.
- ¹⁴² РГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 911, л. 3об.
- ¹⁴³ РГАДА, ф. 277, оп. 2, д. 912-913.

Приложения

Приложение 1
Штат Санкт-Петербургской Императорской шпалерной мануфактуры
1764 года*

Таблица 1

Звание чинов	Число людей	Жалование, руб. (одному)
1	2	3
При конторе		
Коллежский секретарь	1	450
Бухгалтер	1	250
Комиссаров: Приходу и расходу денежной казны	1	300
У расходу и содержанию материа- лов	1	150
Канцелярист	1	200
Копиист	2	60
Вахмистр	1	50
Сторож	2	36
Всего	10	1592**
При мануфактуре		
Мастеров готлисс иностранных	1	1100
	1	900
Российских унтер-мастеров		
1 класса	4	200
2 класса	3	150
3 класса	3	100
Подмастерьев		
1 класса	6	80
2 класса	6	65
3 класса	6	50
Всего	30	5020
Мастеров баслисс иностранных	1	800
	1	500
Российских унтер-мастеров		
1 класса	2	150
2 класса	2	100
Подмастерьев		
1 класса	4	70
2 класса	4	50

Окончание приложения 1

1	2	3
Учеников	117	6492
Всего	131	6492
Мастер живописи	1	1200
Живописцы	2	200
Помощники	2	100
Красильщик	1	130
У смотрения дров	1	40
Истопник	1	36
Лекарь	1	400
Всего	9	2400
Всего всех чинов	181	15510
На наем жилья, покупку дров, дела- ние и обновление станков, на по- чинки		3500
Итого на мануфактуру		19010 руб.

*ПСЗ – 1. – Т. XLIV. – Ч. II. – № 12034.

**Эта сумма выделялась из доходов Камер-коллегии.

**Штат Санкт-Петербургской Императорской шпалерной мануфактуры
и ее Конторы 1803 год***

Таблица 1

Звание чинов	Число людей	Жалование, руб. (одному)
Директор	1	1500
Инспектор по художественной части	1	1200
Инспектор по экономической части	1	800
При конторе		
Бухгалтер	1	600
Секретарь	1	600
Писарь	1	250
Комиссар	1	400
При мануфактуре		
Мастер готлисс	3	4000 на всех
Мастер баслисс	1	
Мастер савонери	1	
Мастер живописных дел	1	
Столярный мастер	1	
Красильный мастер	1	
Подмастерьев	28	6400 на всех
Учеников	80	9600 на всех
Учитель рисования	1	300
Учителя приходящие	-	250
При лазарете		
Лекарь	1	400
Ученик	1	100
Расходы на содержание		450
При домах мануфактуры		
Смотритель	1	120
Сторона	3	60
Работников	3	120
На покупку дров		2500
На починку станов		200
На конторские и прочие расходы		200
На пенсии		1000
Всего	133	33210

* ПСЗ-1.-Т.XLIV.-Ч.II.- № 21034

**Штат Санкт-Петербургской Императорской
шпалерной мануфактуры 1837 год***

Таблица 1

Звание чинов		Число людей	Жалование в год, руб. (всем)
При конторе			
Директор		1	3000
Бухгалтер		1	1500
Смотритель		1	1300
Писцов	старших	2	800
	младших	2	400
Им на обмундирование		-	260
На канцелярские расходы		-	800
Художественная часть			
Главных мастеров		3	3000
Частных мастеров		6	4800
Подмастерьев живописи		2	1200
Школа			
Учителей рисования		1	500
Грамоты и арифметика		1	600
Содержание учеников		-	8700
Содержание лазарета		-	1500
Инвалидная команда			
Унтер-офицер		1	200
Инвалидов		9	1350
Им на обмундирование		-	450
На отопление, освещение, ремонт и т.п.		-	10840
На ремонт станков машин и инструментов		-	800
Всего			42000

* ПСЗ-2.-Т.ХII.-№ 9928

Научное издание

Лилия Баторгалиевна Алимова

Шпалерное дело в России XVIII – первой половины XIX веков

Монография

Редактор
Е. В. Кондаева

Технический редактор
Г. А. Чумак

Подписано в печать 01.11.2006 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 5,0.
Тираж 500 экз. Заказ 51.

Отпечатано: Издательство Орского гуманитарно-технологического института
(филиала) Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15 А